

Эпоха Полтины. Декста Квинта

Автор:

[Алан Нукланд](#)

Эпоха Полтины. Декста Квинта

Алан Нукланд

Перед нами мир после длительной колониальной войны за независимость. Старый Свет погружён в разруху, а вот Колонии привлекают тех, кто хочет начать жизнь заново. Тысячи ветеранов пытаются вернуться к нормальной жизни и найти своё место под солнцем, но не всем суждено войти в новую историю. Главному герою, как и другим персонажам романа, приходится потом и кровью прокладывать путь к былому величию.

Алан Нукланд

Эпоха Полтины. Декста Квинта

Глава 1. Aegis Materium

1

С каждым новым днём становится всё сложнее открывать глаза, смотреть в потолок, покрытый желтыми разводами, и лежать в неподвижности на впивающейся в спину жёсткой кровати до тех пор, пока твоё тело не занемет окончательно. Но вскоре нестерпимая головная боль заставляет подняться, чтобы найти способ избавиться от неё.

Холодная вода из ржавого крана никогда не помогает ему почувствовать себя лучше, зато немного бодрит и смывает остатки сна. После этого взгляд обычно ловит своё отражение в мутном зеркале, вот только лицезрение собственной заросшей и опухшей рожи уже давно не воодушевляет. Да и вид запущенного жилища, заваленного бутылками и окурками, оптимизма не прибавлял – как и жуткое похмелье, которое дарит поганое ощущение нагадивших в рот кошек. Ко всему прочему ни в одной бутылке не сохранилось даже капли дешёвого алкоголя, который сейчас так необходим больной голове. Поэтому всё, что ему остаётся, это взять мятую пачку папирос и хрипло выругаться.

Последняя.

Спички пришлось поискать, но вскоре нашлись и они – лежали в кастрюле с какой-то жижей, когда-то, вероятно, бывшей супом. Первая спичка сломалась. Вторая стёрлась о влажную ленту. Третья загорелась, но тут же погасла.

И тогда он взорвался.

Коробка со смачным шлепком впечаталась в стену, на пол полетели кастрюли, забрызгав его ботинки вонючей дрянью, стул разлетелся вдребезги вместе с зеркалом, кровать была перевёрнута. Тело трясло, сердце яростно билось, а грудная клетка горела от сухого кашля.

– Мэссэр Кейн, ваше состояние оценено как нестабильное. Вам рекомендован визит к врачу. – Монотонный, безжизненный голос, исходящий из головы декоративного оленя, прибитого к стене над кроватью, выводил из себя ещё сильнее прежнего.

– Заткнись... Совет бездушной дряни мне нужен в последнюю очередь, – хриплым голосом огрызнулся Кейн.

– Состояние вашей психики на данный момент неуравновешенно. Вы можете представлять угрозу для общества. Я обязан сообщить вам, что это может привести к очередному предупреждению, которое будет внесено в ваше личное дело. Согласно моим данным, существует опасность депортации из республики Акмеи.

– Катись в бездну!

Брошенная бутылка разлетелась, ударившись об оленью голову, и оставила её без одного рога. Натянув валяющуюся у порога изношенную куртку, он покинул дом. Дверь с облупившейся зелёной краской уже осталась за спиной, но до него всё равно донеслось отдалённое: «Доообрррроогг..о..оо... дняя-а-а мэссэр Кее..е..йн..». Застёгивая по дороге редкие пуговицы, Кейн кривил обветренные губы в злорадной усмешке. Судя по всему, его надзиратель нуждается в починке. Хотя это и не совсем хорошо – несмотря на свою услужливость, антураж уже наверняка доложил о случившемся часовым.

Должно быть уже наступило утро, поэтому на улице было довольно людно, и он буравил взглядом чёрных глаз каждого. Кто же из них сейчас подойдёт к нему, возьмёт под руку и вежливым тоном попросит пройти с ним? Может, вот этот толстый очкарик в старом сером костюмчике? Или вот эта девка с кривым носом, протирающая витрину грязной тряпицей? Хотя почему бы этим «кем-то» не быть пацанёнку с жидкими волосёнками, который смотрит на него своими ярко-голубыми глазами?

Виски стянула тупая боль и перед глазами всё поплыло. Чувствуя, что вот-вот свалится посреди мостовой, Кейн, расталкивая прохожих, доковылял до стены и привалился к ней спиной. Запрокинув голову, он вперил затуманенный взгляд в свинцовые облака смога, что едва светлели над головой. Кейн усмехнулся. Ну вот, он был прав, утро уже наступило. И вновь впереди ждёт тёмный, мрачный, без единого луча света день. Этот чёртов смог держится уже порядка двадцати суток, если не больше.

Двадцать дней без солнца. Это угнетает. Вгоняет в тоску и уныние, от которых только один выход – напиться до беспамятства.

Оторвавшись от стены он пошёл дальше. Выйдя на набережную, с которой открывался вид на порт, Кейн встал у парапета. Ноздри щекотал солёный запах моря, холодный ветер трепал неряшливую одежду, а шелест волн успокаивал ноющую голову. Иногда, очень редко, он испытывал жгучее желание плюнуть на всё и сесть на один из множества кораблей, которые прибывали сюда чуть ли не каждый день, и уплыть... Куда? Да хоть куда-нибудь, лишь бы подальше. Говорят, многие ветераны подались в Накруш, там их навыки ещё хоть кому-то нужны. Но стать наёмником означало вновь взяться за шпагу и проливать кровь, а для этого Кейн был уже слишком стар – хотя странно такое говорить в его-то сорок четыре. К тому же если ему захочется неприятностей, то их можно найти и

в Акмее.

Словно в ответ на его мысли, позади раздался писклявый голос:

– Огонька?

От неожиданности он слегка вздрогнул, кулаки непроизвольно сжались.

– Оу-оу! Полегче, Брустер, это всего лишь я, а не секурист какой!

Узнав в мелком лысеющем толстячке Тайла, Кейн расслабился.

– Что тебе нужно, Шэмит? Я не в настроении чесать языком с журналюгами.

Шэмит встал рядом и достал портсигар из внутреннего кармана синего сюртука.

– А ты вообще когда-нибудь бываешь в настроении? Ладно-ладно, не смотри так, а то ещё дырку во мне прожжёшь. И вообще, мы с тобой не виделись уже бездну времени, а ты мне едва голову не проломил из-за того, что я наивно поинтересовался, не нужно ли тебе огонька. Ироничная была бы смерть, не находишь? – Протянув ему портсигар, поспешил добавить: – Лантанские. Угощайся.

Взяв папиросу, дождался, пока Тайл зажжёт спичку, и подкурил с его руки. Дым заполнил истомившиеся лёгкие, и он невольно задержал дыхание и прикрыл глаза. Отменное курево. Хотя другого на Лантане и не производят.

– Слышал, ты всё также работаешь портовым грузчиком? – голос Шэмита вернул его обратно в реальность.

– Верно слышал. – Чтобы ему ответить, пришлось выдохнуть весь дым. опережая вновь открывшего было рот журналиста, задал свой вопрос: – Что тебе от меня нужно, Шэмит? Ты ведь наверняка не зря наводил справки про мою работу, и тут сейчас стоишь не просто так.

Тайл как-то сразу стушевался и замолчал. Его маленькие глазки забегали по пристани и наконец взметнулись к небесам.

– Двадцать второй день без солнца, Кейн. Тебя это не пугает? Кто-то уже говорит, что в этот раз тёмные дни продлятся дольше и даже побьют бывший рекорд в четыре десятка... Проклятый смог... Многие даже ставки делают. О! И о конце света, кстати, лопочут! Делексиаты вообще беснуются по этому поводу, готовятся со дня на день отправиться в бездну. Представь себе, – журналист хлопнул его по руке, – они даже выявили конкретную дату! Не верится, конечно, но всё-таки...

– Ты виляешь, как блудливая корова, Шэмит. Меня это начинает раздражать.

Тайл покосился на него и натянуто улыбнулся.

– Извини... Нервы. Я так-то действительно по делу к тебе. В общем, в прошлый раз, ну, тогда, когда ты мне помог разгрести то дело с фальсификацией трудовых данных от подрядчиков... – он нервно огляделся, – тех подрядчиков, короче. Это мне помогло, и моя газетка поднялась – «Адамантский Вестник» уже не бульварное чтиво, меня теперь спонсируют большие люди, кое-кто из партии гуманистов. Ты ведь знаешь, что сейчас начнутся выборы правящей партии?

Кейн кивнул, затягиваясь:

– Что-то такое слышал.

– Ну так вот, политическое противостояние в самом разгаре: консерваторы опасаются, что их обойдут «мягкотельные человеколюбы», а либералы боятся прихода к власти силовиков, у которых из-за того, что «консервы» дали слабину, появились неплохие шансы на победу. А это, знаешь ли, чревато последствиями: начиная от полной изоляции республики и сворачивания всех интеграционных процессов и заканчивая реабилитацией военщины. С такими перспективами кто угодно занервничает. – Тайл облизнул пересохшие губы, приблизился к нему почти вплотную и понизил голос: – И для того, чтобы всего этого избежать, победу должна одержать партия гуманистов. А для этого...

– Для этого тебе нужен компромат на милитаристов, – Кейн криво усмехнулся.

– Не обязательно, хотя лишней такая информация не будет, – не моргнув глазом ответил Шэмит. – Но основной стратегией всё же является подтверждение того,

что партия выполняет свою работу и выполняет её хорошо. И я, как заинтересованное лицо, всячески им помогаю в поисках оной. Так вот, мне тут шепнули, что сейчас гильдия «Aegis Materium» набирает добровольцев для работы на Яме-Винтада. Всё бы ничего, вот только шибко много ребят с военным прошлым они набирают. Соображаешь, в чём тут соль?

Задумчивым взглядом провожая освещённую тусклыми фонарями баркентину, которую он вчера закончил загружать товаром, предназначенным для Эг-Вигади, Кейн пустил в её сторону струю дыма. На этой крошке даже пушек не было, что, по его мнению, было весьма скверно, хоть воды до Эг-Вигади и были сравнительно спокойны.

– Эгида набирает ветеранов? А ты ничего не путаешь ли? Не тебе мне напоминать о том, что никаких ветеранов нет и не было в помине, м?

– Не мне, ты прав. Но тем не менее это так. Гильдия набирает их в том числе через непубличные общества фронтовиков, которые существуют под патронажем милитаристов. Не спрашивай, как я это узнал. У меня тоже есть связи, а после твоей помощи их изрядно прибавилось. – Он самодовольно улыбнулся. – Эгида имеет политическое лобби, а значит, если они нечестно ведут игру и нарушают гуманитарный закон, то для либералов это будет плюсом.

– Только если это удастся доказать. – Кейн сплюнул. – Может, там и рыть нечего.

– Не соглашусь. Если там всё так гладко, тогда зачем столько солдат? – с нажимом спросил Тайл. – Зачем усиливать свою и без того не маленькую армию? Нет, здесь определённо что-то не чисто. Поэтому я и пришёл к тебе. Ведь ты у нас ветеран, я и подумал, что...

– Что я был бы тебе полезен, а? – прервав его, Брустер угрожающе придвинулся к мгновенно вспотевшему журналисту и грубо ткнул его в грудь двумя пальцами с зажатой в них папиросой, пепел от которой упал на аккуратно выглаженный синий сюртучок толстяка. – Позволь мне уточнить, Шэмит – ты хочешь, чтобы я кинул работу грузчика и помчался на Винтаду вынюхивать сенсацию в твою бульварную газетёнку? А ты подумал своим маленьким мозгом, что после этого мне путь в Акмею заказан?

Не выдержав его прямого взгляда, Тайл поспешно отвёл глаза.

– Кейн, Кейн... тебе лучше меня известно, что на харчах грузчика состояние не сколотишь, – залопотал он. – Особенно ветерану колониальной войны. Ты в зеркало-то себя давно видел? Ты спившийся алкоголик, Брустер! А я прошу тебя оказать обществу неоценимую услугу. Услугу, которая важнее того, что ты половину дня горбатишься на себя, а вторую на благо города. От этого, возможно, зависит будущее республики! А насчёт высылки из города – я же тебе не бесплатно это предлагаю. Марок хватит на то, чтобы прикупить себе домик где-нибудь на Эг-Вигади. Ну, что скажешь?

– Скажу, что мне пора возвращаться и батрачить грузчиком в порту.

Выбросив окурок в тёмные воды акмейской пристани, он кинул последний презрительный взгляд на Тайла Шэмита и ушёл прочь.

2

Крики, смех, галдёж и маты со всех сторон. В течение пятнадцати лет, каждый послерабочий вечер Кейн проводил в этом душном кабачке на пристани, просаживая заработанные марки, надираясь до потери сознания и горланя песни с таким же сбродом, как и он сам. Это уже давно стало его личной традицией, которой вряд ли можно гордиться. Но на этот раз его не тянуло пить вместе с остальными и орать пошлые песенки. Сегодня он сидел за дальним столиком и потягивал разбодяженный виски в одиночестве, выкуривая смердящие папироски одну за одной и лениво наблюдая за народом время от времени. Каждый здесь знал, что если Брустер хочет побыть один, то к нему лучше не лезть – если дороги золотые коронки.

Разговор с Шэмитом всё никак не лез у него из головы. Услышанное было весьма заманчиво, и дело было даже не в том, что журналист обещал ему кругленькую сумму – он уже давно не гонялся за заработком, да в принципе и никогда особо не гнался. А вот то, что Эгида набирает бывших военных, было весьма интересно. Шэмит мог поспособствовать попасть туда, а это был шанс вырваться отсюда и найти себе применение получше, чем тянуть ляжку в порту – всё-таки какая-никакая, а служба, пусть и в рядах гильдии. К тому же добытый компромат можно сливать Тайлу, что при необходимости обеспечит ему тугую мошну. Да и связи среди либералов лишними не будут – пусть он и не особо

любил цацканье со всякими «обездоленными жителями периферии» и вечные разговоры о человеколюбии, но благодаря их законам многим, и ему в том числе, открылась возможность «оцивильзоваться» и осесть тут, в тёпленькой Акмее. А это сегодня немало стоит.

Его мысли прервал пьяный рёв, разнёсшийся по всему кабаку:

– За Империю! Пью за землю м-мать, породившую меня! И за славу её, ныне позабытую!!!

Кейну даже не надо было смотреть в ту сторону, чтобы узнать крикуна. Его позабавило то, что после этого зычного тоста весь кабак в страхе притих. Собственно, так происходило всегда, когда кто-то отваживался помянуть былые дни.

Особенно когда поминали империю в колониальном городе.

Ухмыльнувшись, он наполнил свой стакан виски, поднялся и направился к массивной фигуре в алом плаще у стойки бара. Отодвинув стул с лежащей на ней широкополой шляпой такого же цвета, встал рядом и, обведя насмешливым взглядом посетителей кабака, громко и чётко произнёс:

– Пью за всех имперских говноедов, которых я отправил в огненное пекло на медленную прожарку до хрустящей корочки!

Пустой стакан со стуком опустился на стойку вверх дном. Кейн повернулся к обладателю алого плаща и наткнулся на прямой и яростный взгляд голубых глаз. На мужественном лице играли желваки, а губы кривились в презрении. Но тем не менее он держал себя в руках. Перевернув стакан Кейна, голубоглазый наполнил его янтарной жидкостью и пододвинул к нему, после чего также размеренно налил себе.

– Угощайся, Брустер.

– Благодарю, Дрэм. Что-то давно тебя не видел. – Подняв стакан, он посмотрел сквозь него на собеседника. – Или ты наконец-то закончил завивать свою шевелюру и благородный барон соизволил пожаловать в наше низменное

общество?

Дрэмм помедлил с выпивкой и, фальшиво посмеявшись, чокнулся с Кейном.

– Жаль, что мы не столкнулись на Рулофе. – Даже не скривившись от крепкого виски, добавил: – Я бы вогнал двуручник в твой зад и хорошенько провернул. Тебе бы понравилось, поверь мне.

– Хах! Дрэмм, твоя личная жизнь начинает меня пугать! – видя, как дёрнулось его лицо, Кейн усмехнулся и опрокинул в себя выпивку. – М-м, бездна, Лотар! Хороший виски! У тебя, как всегда, отменный вкус... И кстати, на Рулофе мы вас всё-таки знатно порвали. Как вспомню те славные деньки, так ух-х! Душа радуется, не поверишь как... А знаешь, – он пододвинулся к нему немного ближе, – приятно осознавать, что я приложил руку к тому, чтобы вы все попались в ловушку и передохли, как крысы.

Он протянул это с таким наслаждением, что Дрэмм потерял самообладание. Несмотря на то, что Кейн был готов к удару, увернуться от него всё же не смог и получил левой прямо в лицо. Его бросило в сторону, но он успел ухватиться за стул и по инерции, с разворота, разбил его в щепки об успевшего поднять руку для защиты Лотара. Этот же кабан кинулся на него как ни в чём не бывало.

«Такого коня не то что стулом – дубовым столом не прошибёшь» – эта мысль мелькнула и тут же пропала. Сознание было больше поглощено обороной, чем философскими размышлениями. В этом случае факт опьянения был явно не в его пользу, хотя соперник тоже был далеко не трезв. Но у того это целиком компенсировалось буйной яростью, а Кейну оставалось только этим помешательством пользоваться и бить Дрэмма ножками от табурета, оставшимися у него в руках. Если бы он хотел его убить, то намного проще было бы пырнуть обломком в шею или глаз, но убийство не входило в его планы.

Есть! Увернувшись от особенно размашистого удара, он со всей силы заехал деревяшкой в челюсть взбесившемуся барону. Того хорошенько качнуло, но не остановило. Лотар бросился вперёд, схватил в охапку Кейна, и вместе они проломил окно кабака и камень мостовой хорошенько поприветствовал Брустера, а туша Дрэмма сверху чуть не раздавила его. Несмотря на оглушение и красные блики в глазах, ему удалось скинуть с себя Лотара. Но когда он попытался подняться, до него вдруг донёсся крик: «Часовые!».

Кейн успел увидеть лишь какие-то тёмные фигуры, окружившие их с Дрэммом, а затем яркий белый свет отправил его в глубокое забытие.

3

Пробуждение вновь было не из приятных. Тело болело, губа саднила, а прикасаться к затылку вообще не стоило. Живот крутило похлеще ветряной мельницы, и его бы наверняка вывернуло, только было бы чем.

Стараясь не делать лишних движений, Кейн рассматривал разводы на стенах и пытался ни о чем не думать. За столько лет, проведённых здесь, он уже выучил каждый виток этих жёлтых линий, сеткой змеящихся по потолку. Взгляд лениво скользил по ним, и это в какой-то степени помогало расслабиться.

Сила привычки.

Это как с папиросой – если утром не выкуришь хоть одну, не будет тебе покоя до тех пор, пока не затлеет алый огонёк и тягучий дым не наполнит лёгкие до предела, и ты не увидишь, как он клубится перед глазами.

Бездна! От мыслей о папиросах в груди начало противно покалывать.

Устало прикрыв глаза, Кейн сжал переносицу и слегка помассировал. Сознание неспешно восстанавливало цепь вчерашних событий и ему удалось вспомнить практически всё, кроме того, что было после прихода в кабак – дальше пустота. Видимо, он знатно напился. Судя по ссадине на губе и ноющим рёбрам (хотя что там рёбрам – ныло всё тело, особенно спина) ему ещё и накостыляли отменно. Он с усмешкой обвёл взглядом свою комнатушку – ага, а потом ещё и домой привели да спать уложили. Остаётся надеяться, что ничего не упёрли.

Внимание Кейна вдруг привлекла голова оленя над кроватью.

Его рога были целыми.

Странно... вроде бы он вчера его поломал, разве нет? Хотя это могло и показаться в пьяном угаре. Кейн нахмурился и задумчиво потёр лоб. У него и раньше были подобные провалы в памяти, особенно когда напивался в хлам, так

что сильно удивлён он не был.

Задержав дыхание, Брустер поднялся и сел на кровати. От резких движений всё поплыло и заиграло цветными бликами, а в горле встал мерзкий комок.

Его всё-таки вырвало.

Прижимаясь лбом к холодному полу и тяжело дыша, Кейн пытался замедлить бешеный ритм сердца.

Как же его всё это достало. Лучше бы он умер на войне, всем было бы от этого легче. Одним солдатом больше, одним меньше – какая разница? Почему его не пронзило арбалетным болтом, не прошило мушкетной пулей, не ударила смертоносная молния хотя бы одного имперского мага, которых он так остервенело истреблял?

Кейн зашёлся в хриплом хохоте.

Да, та ещё задачка – умереть на войне, которой не было!

Некоторое время спустя истерика прошла, и ему полегчало настолько, что он смог встать и умыться. Выпитая из бадьи холодная вода растеклась по груди, оставляя после себя прекрасное ощущение свежести. Это окончательно привело его в чувство. Теперь можно было бы и перекусить завалявшейся где-то банкой консервов и идти на работу, но вот последнего чертовски не хотелось делать. И именно это нежелание натолкнуло на мысль посетить старого приятеля – у него-то наверняка есть что выпить и чем закусить.

Накинув куртку, Брустер вышел на улицу. Было довольно прохладно, но застёгиваться было лень, и он шёл нараспашку. Затянутые серым смогом небеса сегодня были светлее и уже не так угнетали. Хотя люди и так к ним привыкли. Человек вообще ко всему привыкает, такова уж его природа. И Кейн не был исключением, уже давно привыкнув к этому городу, к этим законам, к этому обществу, да и вообще ко всему. Так и жил, не замечая своего окружения, а окружение не замечало его. В этом вопросе был найден идеальный компромисс.

Кейн остановился перед красной дубовой дверью. Взявшись за стальное кольцо, зажатое в львиных клыках на двери, несколько раз громко постучал. Ему незамедлительно ответил приятный женский голос:

– Здравствуйте. Пожалуйста, назовите себя и огласите цель визита.

– Кейн Брустер, пришёл выбить дурь из Лотара Дрэмма.

Прошло минут пять, прежде чем дверь всё-таки открылась. Миновав тесный коридорчик, Кейн оказался в просторной комнате. С того раза, как он тут был в последний раз, ничего кардинально не изменилось: повсюду декоративные светильники в виде свечей, мягкий ковёр под ногами, красивые муляжи мечей, щитов и топоров на стенах, лакированный дубовый стол у окна и несколько резных стульев вокруг него. Не долго думая, Брустер плюхнулся в мягкое кресло, закинул ногу на ногу и стал рассматривать откровенный портрет имперской куртизанки над большой двуспальной кроватью, застеленной красными покрывалами – у Лотара явно слабость к красному цвету.

Вскоре появился и сам хозяин квартиры с влажными волосами до плеч. Судя по его недовольному лицу, он не был рад раннему гостю.

– Чем обязан? Денег в долг не дам, сначала старое верни. – Дрэмм скрестил руки на груди и оперся плечом на одну из четырёх резных ножек кровати, выполненных в виде обнажённых дев, тянувшихся руками к потолку.

– Да? А мне казалось, что я тебе всё вернул. – Кейн ухмыльнулся разбитой губой, отчего запёкшаяся было на ней корочка лопнула. Скривившись, облизнул ранку и промокнул её рукавом. – Что-то ты какой-то помятый, Лотар. Синяки на руке и ссадина на челюсти тебя, наверное, безмерно радуют, да?

– На себя сначала посмотри. – Дрэмм нахмурился. – Тебе-то кто накостылял?

Кейн пожал плечами и уставился на куртизанку.

– А шут его знает, не помню. Может, это даже мы друг другу наваляли.

Лотар окинул гостя задумчивым взглядом: неопрятно одет в видавшие виды одежды, костяшки пальцев на грязных руках, с обкусанными под корень ногтями, сбиты и покрыты корочкой из запёкшейся крови; чёрные глаза глубоко посажены на худощавом лице с жёсткой бородой, а спутанные и засаленные волосы с проседью разбросаны по плечам. Бывший барон не переставал удивлялся тому, как, несмотря на практически каждодневные потасовки, его гостю удалось не только сохранить все зубы, но и умудриться ни разу не сломать прямого носа. Не меньше удивлял и тот факт, что они были своего рода друзьями. Это было поразительно, если учитывать, что Брустер был колонистом, а он имперцем. Хотя, как говорят в народе – солдат солдату ровня, независимо от того, за чью сторону они воюют. Поэтому, несмотря на свою глубокую неприязнь к Кейну, Лотар сразу понял, к чему тот ведёт. Повернувшись к портрету куртизанки, он засунул руку под полог и что-то быстро прошептал – картина едва заметно потускнела.

– Думаешь, нас разняли часовые и наложили чары забвения? – Дрэмм сел на кровать.

Кейн вновь пожал плечами.

– Не исключено. Контроль за делами и мыслями в Акмее новость не новая. – Он задумчиво поскрёб свою щетину. – Ты, кстати, сейчас как, всё так же булавки точишь?

Дрэмм скривился.

– Не булавки, а гвозди. Я точу гвозди.

– Да без разницы, всё равно точишь. Просто у меня тут открылась заманчивая перспектива по смене работы. Интересно?

– Скажем так, я готов выслушать.

– Вот и славно, – Кейн подался вперёд, сцепил руки в замок и сложил их на колени. – Мне тут шепнули, что Эгида набирает ветеранскую братию для работы на Винтаде.

– И? – Дрэмм выгнул бровь. – Не вижу ничего заманчивого.

– Разве? Что у меня, что у тебя работа-то дрянь – я грузчик, ты гвозди точишь. По мне так лучше помереть где-нибудь, чем продолжать гнить здесь.

– Ну если ты так торопишься отправиться к Теламару, то я готов тебе помочь. Тебе что больше нравится, петля или меч? – Лотар поднялся, снял со стены один из декоративных мечей и деловито осмотрел его. – Правда рубить придётся долго, кроме муляжа ничего нет. Но я постараюсь, можешь мне довериться. Мы же с тобой «друзья».

– Ага, и после того, как ты отправишь меня в бездну, тебя сразу же выпрут из Акмеи. – Кейн раздраженно дёрнул губой. – Слушай, неужели тебе здесь так нравится?

– Вот именно, – Дрэмм вернул меч на место, – мне и тут неплохо живётся: хороший дом, простая работа и денег хватает на куртизанок по выходным. Зачем мне рисковать своей шкурой ради чего-то эфемерного? Проще уж продолжать жить в Акмее.

Кейн развёл руками:

– Дело твоё. Я предложил, ты отказался. Не буду тебе мешать подышать со скуки и дальше. – Кейн встал и направился к выходу, но у самой двери обернулся. – Прощай, может больше и не свидимся.

Не дожидаясь ответа, он вышел из дома.

4

Кран громко хрипел, выплёвывая мутную воду, которая перед тем, как исчезнуть в нутре ржавой раковины, смешивалась со свежей кровью на его руках и становилась слегка розоватой. Ополоснув руки, Бэн ещё раз тщательно промыл их с дезинфицирующей жидкостью, после чего стряхнул воду и насухо вытер тряпкой. Повернувшись к столу, взял поднос с уже обработанными инструментами и, пройдя в конец комнаты, аккуратно опустил их в раствор.

Он замер, когда со стола позади него раздалось тихое поскуливание. Прищурившись, Бэн слегка повернул голову и внимательно прислушался. Скулёж повторился. Нахмурившись, он открыл настенный шкафчик и извлёк стальной шприц с длинной иглой и ампулу с голубым препаратом. Встряхнув раствор, проткнул пробку и заполнил шприц на два деления. Вернув ампулу на место, приблизился к столу и нежно погладил перебинтованного пса, который жалобно скулил, смотря на него полными боли глазами. Ободряюще улыбнувшись, Бэн мягко ввёл иглу в мышцу, и вскоре собака погрузилась в сон. Отложив шприц, взял пса на руки и перенёс в клетку, в которую ранее положил удобную подстилку. Погладив его напоследок, закрыл дверцу и вышел из операционной.

Устало сев за стол, Бэн зевнул и хрустнул пальцами, после чего лениво постучал костяшками по чугунному бюсту, у которого отсутствовала левая часть лица. Причём сама фигура была асимметрична, что создавало вид, словно бы недостающий кусок головы был вырван. Помнится, именно из-за этого дефекта ему и не хотели продавать его, но он настоял.

– Слушаю вас, мэссэр Уилторс. – Бэн улыбнулся, услышав этот жуткий скрипучий голос, который раздался из разорванной головы.

– Передай господину Нифалу, что с Найло всё хорошо, и он может забрать его домой.

– Будет исполнено, – проговорил антураж и вновь умолк.

Он вновь было откинулся на спинку кресла, но расслабиться ему не дали. Колокольчик над дверью тихонько звякнул, извещая о приходе нового клиента, и Бэн был вынужден подняться и пройти за высокую стойку у левой стены. В приёмную вошла знакомая сгорбленная, шаркающая ногами и жеманно улыбающаяся ярко накрашенными губами старушка в маленькой чёрной шляпке на голове и с оттягивающей одну руку клеткой. Доктор через силу выдавил из себя улыбку и поприветствовал её:

– Госпожа Датлди, добрый день!

– Ох, оставьте, – она замахала свободной рукой. – Какой же это добрый день, если солнце не может согреть мои старые косточки? А ведь когда-то меня

уверяли, что на Эг-Вигади можно жить беззаботно! Вокруг одни вруны и проходимцы.

– Куда же без них, – поддакнул он.

– Никуда. Только напрямиком в могилу.

«Это я бы с радостью устроил», – подумал про себя Бэн, а вслух произнёс:

– Вы ещё всех нас переживёте, госпожа Датлди.

– Уж я-то постараюсь прожить ещё годок, – она поставила на стойку клетку, и её лицо мгновенно изменилось: она посмотрела на него таким грустным взглядом и заговорила таким жалобным голосом, словно хотела, чтобы он почувствовал всю потаённую в ней скорбь и глубокие страдания, которые она ежесекундно испытывает, – а вот моя Мисси, по видимому, не дотянет и до завтра.

Старушка вытащила заранее подготовленный платок и промокнула невидимые слёзы. Бэн нахмурился и заглянул в клетку, где на голом полу лежал усмарский тион, стоивший в колониях несколько тысяч марок.

– А что опять случилось?

– Не знаю! – Датлди всплеснула руками. – Она просто лежит целыми днями, ничего не ест и очень тяжело дышит. Бедняжка Мисси. Она даже начала гадить под себя, представляете? – На мгновение жалобный тон сменился возмущённым и она, поджав губы, бросила недовольный взгляд на клетку. Но потом её лицо разгладилось и грустная улыбка вновь вернулась. – А может... может, её лучше удавить, чтобы не мучилась?

Лицо Бэна окаменело, и он сухо произнёс:

– Сейчас посмотрим, что с ней не так.

Постелив на стойку мягкую подстилку, он открыл клетку и осторожно достал из неё собачку, которая испуганно забилась как можно дальше и отказывалась покидать её. Госпожа Датлди внимательно наблюдала за тем, как он

поглаживает истощавшую собачку и осторожно ощупывает её.

– Не перестаю удивляться тому, что такой здоровяк, как вы, лечит животных. Вам бы в кузне молотом ворочать, а не тварей дрожащих спасать. Это ещё хорошо, что вы не имперец.

Бэн на мгновение замер, а потом как можно непринуждённое спросил, продолжая осмотр:

– А что, есть разница в том, кто именно лечит?

– Конечно! – казалось, она была шокирована до глубины души тем, что он не понимает таких элементарных вещей. – Все имперцы подлые скоты, пожри их бездна! В них нет ни капли сострадания не то что к животным, а даже к собственным детям.

– Неужели... – руки у него задрожали и его взгляд невольно метнулся к антуражу. Он во всех красках представил себе, как хватает эту старую стерву за шкуру и остервенело вминает её лицо этой полубашкой. С большим трудом он отвёл взгляд и сосредоточился на собачке.

– Да, можете себе представить, – продолжала распалаться Датлди. – Они совершенно не заботились о своих вырождаках. С детства воспитывали в них жестокость и ненависть к нам, к колонистам, и заставляли приносить кровавые жертвы своим бесовским божкам! Нелюдь, одним словом. И знаете, я слышала, – она опёрлась руками на стойку и подалась вперёд, – что они живут среди нас! Да-да, представьте себе! А ведь все наши беды только из-за них. Как по мне, так выселить бы их всех до одного за барьер и дело с концом – если они так верят в своих хвалёных богов, то пусть они и спасают это прогнившее племя. А мы уже достаточно от них натерпелись. Вон, – она махнула рукой, – вся страна лежит в руинах. Так что пусть или отработывают, или отправляются на все четыре стороны. Мы их кормить не обязаны. Я даже уверена, что когда последний имперец покинет Колонии, солнце сразу же засияет. Вот так вот.

Бэн сжал челюсти и старался глубоко дышать. На его побледневшем лице играли желваки, щека нервно дёргалась, но пока что ему удавалось держать себя в руках.

– Госпожа, – он прочистил горло, – госпожа Датлди, сколько раз в день вы обычно кормите Мисси?

Старушка скривилась и хмуро посмотрела на него.

– Так я же вам говорю, что эта шавка не жрёт ни черта!

– Нет, я не об этом. Я о том, сколько раз в день вы её кормили до того, как она заболела.

– Так сразу бы и спросили. Я кормлю её один раз по утрам.

Бэн выпустил воздух сквозь зубы.

– Госпожа Датлди, в прошлый раз, когда она... вывихнула ножку, я говорил вам, чтобы вы её хорошо кормили.

– Так она же потом выздоровела, и я вернула её на прежний режим. – Старушка вскинула подбородок. – Животное не должно привыкать к беззаботной и лёгкой жизни, на то оно и животное.

Сердце Бэна яростно билось в груди, а перед глазами вспыхивали алые круги, словно ему не хватало воздуха. В этот момент его пальцы слегка прикоснулись к грудной клетке собачки и та жалобно заскулила. Замерев на долю секунды он, тем не менее продолжил ощупывать её грудь. Наконец Уилторс закончил и, посмотрев на притихшую старушку, бесстрастно сообщил:

– У Мисси проблемы с лёгкими, но я смогу её вылечить.

– Да? Правда? – Датлди недоверчиво посмотрела на собаку, а когда вновь подняла взгляд на него, то на её лице уже играла улыбка, от которой ему захотелось свернуть старухе шею. – Вот и отлично! Прекрасные новости! Вы вернули мне надежду, мэссэр Уилторс. – Она склонилась над Мисси и, покачивая головой, проворковала: – Вот видишь, Мисси, скоро добрый доктор вылечит тебя, и ты вернёшься домой. Правда, здорово?

Когда она выпрямилась и, помешкав, потянулась к своей сумочке, Бэн её остановил.

- Оплату внесёте позже, после лечения.

С видимым облегчением она перестала рыться в сумке.

«Подавись своими деньгами, грэйвра!» - злобно подумал Бэн и поспешил как можно быстрее распрощаться со старухой.

- Я дам вам знать, когда вы сможете забрать её.

- О, мэссэр Уилторс, я вас благодарю от всей души. - Она прижала руку к груди. - Вы самый хороший человек, которого я знаю. Мира и здоровья вам.

- И вам того же, госпожа Датлди, - ответил Бэн, провожая её взглядом.

Когда она ушла, он позволил своей ярости вырваться наружу.

- Старая колониальная шлюха! Тварь! Задуши тебя Теламар, чтоб глаза наружу вылезли! Оторвать твой поганый язык и скормить тебе же, дрянь!

Тут он заметил, как Мисси, дрожа, испуганно прижала к голове ушки, и перестал кричать и успокоился. Видимо, собачка привыкла, что на неё часто кричат. Бэн склонился над ней и осторожно прикоснулся к сломанным рёбрам - и к тому, что её часто бьют, она тоже привыкла.

Новая волна ярости поднялась было к груди, но он не позволил ей снова захлестнуть его. Стараясь не прикасаться к сломанным рёбрам, Бэн взял Мисси на руки, отнёс в операционную и положил на стол. Хмуро пробежавшись взглядом по начищенным и наточенным инструментам, вновь посмотрел на собачку.

Придётся нарушить правила, иначе у Мисси нет шансов. После этого у него, скорее всего, отберут лицензию... ну и бездна с ней! Главное уйти раньше, чем аркани выйдут на него. От одной только мысли о службе по контролю магии у него по телу пробежала дрожь. Несколько месяцев назад он почувствовал, что

магическая сила стала возвращаться к нему, и старательно держал это в тайне. Строго говоря, если бы он сразу обратился к аркани и они поставили ему метку, то можно было бы получить патент и колдовать без опасения, вот только – Бэн усмехнулся – ему нельзя было светиться. Почему? Он и сам до конца не понимал, просто чувствовал, что ничего хорошего из этого не выйдет. К тому же его дар был весьма специфичен, а учитывая его прошлые «заслуги», церемониться с ним явно не будут. Но что тогда делать с Мисси? Доктор посмотрел на едва дышащую собачку. Позволить ей умереть? Вот если бы на её месте сейчас лежал человек, он бы даже помог ему побыстрее встретиться с Теламаром, но животные во много раз лучше людей.

Значит, решено. Поднеся руку к лицу, доктор пошевелил пальцами, тихонько что-то нашёптывая. Бэн досадно морщился, наблюдая, как они иссыхают и скрючиваются, а кожа дрябнет и на ней появляются старческие пятна. Раньше такого не было, но учитывая то, что творится с магическими потоками, это не удивительно. Опустив руку на грудь Мисси, он стал поглаживать её рёбра, продолжая шептать себе под нос. Животное погрузилось в глубокий сон и не чувствовало боли от того, что её кости ломаются и вновь срастаются, но уже правильно. Когда Бэн закончил, его плечи поникли от навалившейся усталости.

«Вот что значит отсутствие практики», – хмыкнул он, разминая вернувшуюся в обычное состояние руку. Мисси спокойно спала, её дыхание выровнялось и натужное сопение прекратилось. Перенеся собачку в удобную клетку, Уилторс напрягся, услышав звонок колокольчика. Неужели аркани нашли его так быстро? Но когда он вышел в зал, то увидел стоящего у стола господина Нифала Колта.

– Мэссэр Уилторс! Я получил ваше извещение и сразу же примчался! – с добродушной улыбкой Нифал подошёл к нему и крепко пожал руку. – Ну как там мой Найло?

– Всё отлично, – Бэн устало улыбнулся, – он сейчас спит. Ему нельзя активно двигаться ещё дня два, но причин оставлять его здесь я не вижу. Так что сейчас напишу всё, что вам нужно соблюдать в период реабилитации, и можете его забирать. Вы же на карете?

– Да-да, конечно, – закивал Колт, но когда Бэн уже собрался уходить, остановил его, взяв под локоть. – Подождите, мэссэр Уилторс. У меня к вам есть разговор.

– Господин Нифал, если вы о деньгах, то я не возьму больше того, что мне причитается за работу.

– Нет-нет, я прекрасно помню, как вы к этому относитесь. Я по другому делу... присядем?

С подозрением смотря Колту в глаза, Бэн слегка помедлил, но потом всё-таки решил присесть. Гость устроился напротив, положив на стол сцепленные в замок руки.

– Мэссэр Уилторс, вы так много сделали для меня и Найло, что я просто не могу не отблагодарить вас. – Видя, что он хочет возразить, Колт поднял руку, останавливая его. – Не перебивайте меня, прошу. Так вот, до меня дошли слухи, что дела у вас идут не очень чтобы хорошо. Верно?

Он выжидающе посмотрел на него и, дождавшись, когда доктор всё же утвердительно кивнёт, продолжил:

– Вы не против того, чтобы мы остались наедине? – Он указал взглядом на статую и Бэн снова кивнул – прикоснувшись к бюсту, приказал духу внутри антуража погрузиться в сон. Нифал улыбнулся. – Ну вот, так намного лучше. Для начала я хотел бы извиниться и попросить вас не обижаться. Дело в том, что мой знакомый, с которым я приходил к вам в прошлый раз, когда-то жил в Старом мире. И каково же было моё удивление, когда он признался мне, что знает вас! – Бэн мгновенно напрягся и его взгляд сначала метнулся за спину Колта к двери, а потом на антуража, рассчитывая, как быстро он сможет схватить его для удара. – И после его рассказов я, признаюсь честно, был поражён – человек с вашими способностями прозябает здесь, работая обычным ветеринаром!

Уже готовый к нападению Бэн в недоумении замер и уставился на него:

– Что вы имеете в виду?

– А то, мэссэр Уилторс, что я мог бы предложить вам работу, которая учитывала бы особенности вашего... хм... военного прошлого. Что скажете?

Бэн облегчённо вздохнул и расслабился.

– Скажу, что всё зависит от подробностей.

– Ну тут всё просто. Гильдия, на которую я работаю, набирает людей. Если быть точнее, то ветеранов войны. Достойная оплата, проживание, возможность служебного роста в рядах гильдии.

– Господин Нифал, если вам всё рассказали правильно, то вы должны понимать, что я не совсем ваш ветеран.

– Это не имеет значения. Важны только навыки и умения, которые вы можете поставить на службу гильдии.

Бэн задумчиво побарабанил пальцами по столу.

– Есть что-то, о чём я должен знать до того, как дам согласие?

– Да, – кивнул Колт, – есть пара нюансов. Вам придётся покинуть Эг-Вигади, ну и, конечно же, держать всё в тайне.

– Естественно, – Бэн криво усмехнулся. – Хорошо. Я подумаю.

– Подумайте. И если вдруг надумаете, – Нифал достал из внутреннего кармана сюртука серый конверт и положил его на стол, – вот. Здесь ваша пригласительная со всеми необходимыми подписями. Осталось только вписать имя. – Он пододвинул конверт к нему. – После вам просто надо сесть на любой корабль гильдии, направляющийся на Винтаду. Для этого достаточно сказать капитану, что вы едете по приглашению.

Когда Бэн убрал конверт в ящик стола, Колт хлопнул себя по бёдрам и поднялся со стула.

– Ну вот и всё. Более не смею вас отвлекать, так что покажите мне моего Найло, и мы отправимся домой.

Когда Нифал ушёл, Бэн запер двери и, погружённый в свои мысли, стал расхаживать по приёмной. А подумать действительно было над чем. Вот если бы ему сделали такое предложение с месяц назад, то он бы ещё сомневался,

соглашаться или нет. А так обстоятельства действительно были не в его пользу. После того, как он сегодня применил магию, не имея на то патента, лицензию ветеринара у него, скорее всего, отберут. Проклятые колонисты! Только и делают, что спят и видят, как бы посильнее разозлить его, чтобы он сотворил какую-нибудь глупость! А ведь если он не сдержится, то помимо лицензии может расстаться и с собственной головой.

И учитывая всё это, нельзя не признать, что предложение Колта было весьма заманчивым и своевременным. Если, конечно, это не ловушка. Хотя нет, он не такая важная птица, чтобы для него составлять такую мудрёную схему. Тогда что же, предложение Нифала было без подвоха? Выходит, что так. А это значит...

Нервно потирая шею, Бэн остановился посреди комнаты.

Это значит, что перед отъездом ему нужно закончить парочку важных дел.

Он подошёл к столу и велел антуражу пробудиться.

– Слушаю вас, мэссэр Уилторс.

– Передай сообщение госпоже, – запнувшись, он тут же поправился: – вернее, мэссе, Кинчес. Запоминай: мэсса Кинчес, ещё раз хотел выразить вам своё сочувствие в связи с потерей Донго. И хотел бы вам сообщить, что у меня сейчас здесь лежит миленькая собачка, усмарский тион, по имени... Муза. Готов абсолютно бесплатно подарить её вам. Вы сейчас нуждаетесь в новом друге. Да и Музе, если честно, тоже нужны любящие и добрые хозяева. Свяжитесь со мной, если моё предложение вас заинтересовало. Отбой. – Бэн ненадолго задумался, и на его лице появилась хищная улыбка. – Ещё одно сообщение. Для, эээ, мэссары Датлди. Запоминай: мэссара Датлди, прошу вас срочно вернуться ко мне в лечебницу. Дело очень срочное. Отбой.

Продолжая улыбаться, он зашёл в операционную и подошёл к столу. Пробежав пальцами по зловещим инструментам, выбрал нож с изгибающимся лезвием. Поднеся его к глазам, Бэн с любовью рассматривал идеально заточенное острие, чувствуя, как его сердце постепенно ускоряет свой бег. Облизнув пересохшие губы, доктор подошёл к клетке с Мисси и присел на корточки. Разглядывая сопящую во сне собачку, опустил взгляд на зажатый в руке нож и в

предвкушении прошептал:

- Ну что ж, Мисси, подождём госпожу Датлди.

5

Кейн отшвырнул окурок и тут же достал новую папиросу. Хорошенько затянувшись, задержал дым в лёгких и выдохнул его через нос. Переступив с ноги на ногу, он вновь окинул взглядом серое трехэтажное здание, за которым наблюдал последний час. Оно располагалось в припортовой зоне на углу между улицами Кооператив и Философская, и практически сливалось с такими же однотипными домами. Отличить его от остальных позволяла разве что большая вывеска, которую явно недавно привели в порядок и обновили, с надписью «Адамантский Вестник». Помнится, когда Кейн был здесь в прошлый раз – года два назад – то ныне гордая вывеска была поменьше и висела на одном гвозде, да и сама надпись была едва читаема. Ну а самому вестнику из всего здания принадлежала только тесная комнатуха, а теперь он захватил полностью всё от первого до последнего этажа. Что ж, выходит, Шэмит не врал, и ему действительно удалось слегка подняться и встать на ноги. В таком случае будет действительно обидно не воспользоваться плодами его успехов.

Кейн пристально всматривался во всех, кто входил или выходил из дверей вестника, но пока что Тайла видно не было. Он уже даже подумывал плюнуть на всё и просто зайти внутрь, но осторожность брала вверх, и Брустер продолжал ждать. Всё-таки будет надёжнее, если их не увидят вместе, а то мало ли. Лучше перестраховаться, чем потом расхлёбывать последствия.

Наконец из дверей вышел маленький толстячок в сером пыльнике, накинутом на синий сюртук, держащий в руках старенький саквояж. Наклонившись вперёд и опустив голову, он быстро засеменял вдоль улицы. Затянувшись в последний раз, Кейн бросил папиросу под ноги и придавил её каблуком. Засунув руки в карманы, он влился в толпу и, держась в некотором отдалении и стараясь не терять Шэмита из виду, пошел следом за ним. Шпионить за журналистом было одно удовольствие – тот даже ни разу не обернулся, смотря только себе под ноги. Плюс ко всему Кейн отметил, что за прошедшее время Тайл не изменил своим привычкам и ходил тем же маршрутом, что и два года назад. Поэтому, увидев, что Шэмит повернул в переулки, Кейн прошёл дальше и зашел с другой стороны, двинувшись ему наперерез. Здесь он перешёл на бег и через несколько

поворотов остановился в узкой полутёмной подворотне. Несмотря на бьющий в нос тошнотворный запах помоев, он покопался в грудке мусора и подобрал ржавый гвоздь, после чего притаился за углом.

Н-да, хоть Акмея и была жемчужиной континента Терра Секунда, но и здесь хватало тёмных подворотен, в которых находились желающие отстегнуть почку у неосторожных гуляк. Хотя подобная инициатива жестоко наказывалась, так что такие случаи всё же были довольно редки.

Кейн усмехнулся.

А может просто кто-то очень хорошо умеет замечать следы.

Через несколько ударов сердца он услышал топот ног и тяжёлое сопение, а ещё через мгновение появился и их обладатель. Шэмит был так глубоко погружён в себя, что прошел мимо притаившегося за углом Кейна и даже не заметил, как он подкрался к нему сзади. И поэтому, когда ржавый гвоздь упёрся ему в кадык, Тайл в ужасе замер, прислушиваясь к хриплому голосу человека, который склонился к его уху и стал нащёптывать своим вонючим ртом:

– Ты сунул свой пятак не туда куда следует, поросёночек.

– Я... – Тайл сглотнул, чувствуя вдавливаемый в шею холодный металл, от чего у него по лбу и спине потекли струйки пота. – Я не знаю, о чём вы говорите...

Кейн удовлетворённо отметил, что старый трюк с изменением голоса всё ещё работал и Тайл не узнал его. Выходит, он растерял не все свои навыки. Это радует.

– Неужели? Очень жаль это слышать.

– П-постойте! – Шэмит зажмурился, каждую секунду ожидая, что его вот-вот зарежут и он захлебнётся собственной кровью в этом грязном, вонючем переулке. – М-мы ведь можем договориться.

– С пропоротым горлом это будет довольно сложно сделать. – Кейн посильнее вдавил гвоздь.

– Хорошо, хорошо! – взвизгнул журналист, задрожав всем телом. Вытянув руку с саквояжем, он, едва не плача, запищал: – Здесь все документы, заберите их и оставьте меня в покое. Я больше не буду в это лезть, обещаю!

Кейн с интересом посмотрел на саквояж, потом всё же решил его взять.

– Умница, поросёночек. Кто ещё в курсе?

– Никто.

– Эх, – Кейн вздохнул, – опять ты мне врёшь.

– Я не вру! – от страха у Тайла едва не вылезли глаза, а мочевого пузыря готов был вот-вот его подвести. – Честно! Я никого не посвящал в детали.

Кейн хмыкнул и убрал гвоздь. От облегчения Шэмит чуть было не потерял сознание, чудом удержавшись на ногах. Кейн обошёл его и встал перед ним, с гнусной улыбкой на лице поигрывая гвоздём.

– Расслабься, Шэмит. – Он похлопал ещё пребывающего в шоке и ничего не понимающего толстяка по щеке. – Это ведь всего лишь я, а не секурист какой.

На побледневшем лице Тайла постепенно появлялось осознание того, кто стоит перед ним. Схватившись за горло, он брызжа слюной завопил:

– Ты ублюдок, Брустер! С-сука! Меня же чуть удар не хватил!

– Но не хватил же. – Кейн отшвырнул гвоздь. – Зато теперь ты имеешь представление о том, чем рискуешь.

– Катись в бездну! Какого хрена ты вообще здесь делаешь?

– Что я здесь делаю? – Кейн наклонил голову набок и прищурился. – А ты уже забыл, что вчера сам меня нашёл и предложил обкатать одно дельце?

– Поздно очухался, – огрызнулся Тайл, всё ещё держась за шею. – Моё предложение было одноразовым, а ты, как помнится, послал меня. Так что иди, гуляй.

– Так ты что же, нашёл мне замену?

– А что, я должен был делать ставку только на тебя?

– Я-ясно, – протянул Кейн и, открыв саквояж, принялся в нём рыться.

– Ты что это делаешь? Отдай!

Журналист бросился было к нему, но Брустер резко отвёл руку с саквояжем за спину, а другой схватил Тайла за грудки.

– Ты, кажется, забыл, Шэмит, с кем имеешь дело. – Он отшвырнул его обратно к стене. – Сиди тихо, а то чтобы свернуть тебе шею, мне гвоздь не нужен.

Толстяку ничего не оставалось, кроме как молча наблюдать за Брустером, выворачивающим саквояж.

– Понимаешь ли, Шэмит, старина Брустер повёлся на твоё предложение и уже уволился из грузчиков. Так что придётся тебе отвечать за свои слова. А, вот и оно. – Кейн вытащил и потряс зажатым в руке конвертом с печатью Аэгис Материум, а саквояж швырнул журналисту под ноги.

– Кейн, не дури, у меня же будут проблемы. – Тайл жалобно смотрел, как конверт исчезает во внутреннем кармане куртки Брустера.

– Ну они же будут у тебя, а не у меня. – Смотря на нервно кусающего губы Шэмита, Кейн усмехнулся и хлопнул его по плечу. – Да ладно тебе, ты же парень сообразительный. Соврёшь что-нибудь да выкрутишься. Лучше объясни мне, что дальше делать. Или, если ты решил соскочить, я могу уйти и сам разобраться, что к чему.

Тайл мрачно посмотрел на него и потёр лоб тыльной стороной ладони, лихорадочно соображая.

– Ладно. – Он наконец сдался. – Ладно... Будь ты проклят, Брустер... Короче, в этом конверте деньги и твоя рекомендация, впишешь туда своё имя. Потом на корабле Эгиды добираться до Ямы, и всё. Дальше действуешь по обстоятельствам.

– Винтады, – холодно поправил его Кейн.

– Чего?

– Доберусь до Винтады, а не до «ямы».

– А, ну да. – Тайл невольно дотронулся до своей шеи и откашлялся. – В общем, как только нароешь что-нибудь интересное, попытайся связаться со мной. Желательно, чтобы было документальное подтверждение, но не мне тебя учить. Ну и ты, конечно, понимаешь, что если тебя повяжут, мы не знакомы?

– Мы, кажется, это проходили два года назад, нет? – Шэмит мгновенно стусевался и Кейн вновь с силой хлопнул его по плечу, так что того хорошенько качнуло. – Да не волнуйся ты так, всё будет сделано по высшему классу. Так что готовь марки. Ну всё, мира и здоровья тебе.

Развернувшись, Кейн ушёл, оставив бледного Шэмита нервно грызть ногти в попытке придумать, как же ему выбраться из той бездны, в которую он угодил по вине Брустера.

6

Собираться долго не пришлось – вещей и личных сбережений у Кейна осталось немного. Почти всё он пропил, чудом сохранив только старый плащ-пыльник и изъеденную молью широкополую шляпу, которую он надевал в дождливые дни. Скидав в грязный мешок купленные консервы, вяленую рыбу, хлеб, чеснок и несколько пачек папирос со спичками, Кейн перевязал его ремнём и сделал подобие заплечной котомки, после чего направился к выходу. У самой двери он обернулся, напоследок окинув взглядом маленькую квартирку, в которой прожил порядка десяти лет. Несмотря на такой большой срок, покидая своё ничтожное жилище, он не испытывал сожалений. Поэтому Кейн просто

развернулся и ушёл, даже не заперев за собой дверь.

Не теряя времени, Брустер сразу направился в порт, где его уже ждал корабль, с капитаном которого договориться особого труда не составило – как оказалось, у того уже собралась солидная компания таких же, как он, пассажиров. Но, выйдя к причалу, Кейн остановился. Не обращая внимания на ледяные порывы ветра, что обжигали кожу лица и трепали полы пыльника, он в задумчивости осмотрелся: аккуратно выложенная камнем набережная, которую топчет ногами серая толпа не улыбочивых людей, множество разнообразных кораблей на причале, над которыми вьются стаи чаек, чьи крики вплетаются в шум разбивающихся о берег волн. Странно – все так стремятся попасть в Акмею, а он хочет как можно быстрее покинуть её. Почему? Наверное, потому что она так и не стала ему домом. За всё это время он не нажил себе ни семьи, ни друзей. Да и так ли они ему были нужны? Нет. Всё, чего он хотел, это убежать – от убийств, обмана, ответственности и прошлого. Поэтому Кейн и прибыл сюда – чтобы убежать и забыть. А что же теперь? Зачем он стремится вернуться к старому?

«Потому что я устал, – подумал Кейн. – Устал от этой жизни, пустой и бессмысленной. Поэтому мне только и остаётся надеяться на то, что уплыв отсюда, я получу больше шансов умереть не просто так. Ведь погибнуть за что-то всегда лучше, чем пустить себе пулю в лоб или медленно гнить в комнатухе на Портовой».

И вот, стоя на каменной мостовой с догорающим окурком папиросы в пожелтевших зубах, Кейн засунул руку в карман плаща и рассеянно покрутил в ладони холодный кусочек стали, невольно оттягивая решающий шаг. Он понимал, что это был его последний шанс передумать – назад пути уже не будет.

«В бездну всё! – Кейн сплюнул окурочек наземь и поправил ремень своего мешка. – Возвращаться всё равно не к чему. Так что вперёд – служба зовёт».

Пройдя вдоль причала, он довольно быстро отыскал нужный корабль – потёртый штормами и временем фрегат под названием «Далакон» уже был готов к отплытию и ждал только, когда люди, столпившиеся у трапа, поднимутся на борт. Некоторых из них он знал, но не настолько, чтобы заводить дружескую беседу.

Присоединившись к толпе, Кейн взошёл на корабль и вскоре покинул Акмею.

7

После того как все поднялись на борт, «Далакон» отдал швартовы и взял курс на юг. Найдя себе местечко на корме, Кейн закурил папиросу и стал наблюдать за медленно удаляющимся городом. А ведь на самом деле там было не так уж и плохо – всё-таки Акмея Велюса была столицей самого влиятельного в экономическом и политическом плане государства колонистов. Её позиции всегда были сильнее, потому акмеанцы и ощущали себя вправе навязывать свою идеологию слабым государствам как на Терра Секунде, так и вне её пределов ещё задолго до начала Колониальной войны. А когда с политической арены «ушли» Винтада и Империя, им уже ничего не мешало распространять свои утопические идеи по Колониям, в стремлении доказать их ценность всем и каждому. Нет, конечно, Кейн понимал, что идеи социального равенства не так уж и плохи, но понимать – не значит принимать. По его мнению, все попытки Акмеи объединить общество были тщетны. Этот мир увяз в грязи, и лозунги типа: «Лишь объединившись, мы можем шаг за шагом восстановить этот мир!» или «Вместе мы выстроим новое будущее!» вряд ли ему помогут. Они сами всё разрушили, и Кейн, как и миллионы ему подобных, помогли им в этом.

– Не думал, что встречу тебя здесь, Брустер.

Прозвучавший за спиной голос отвлек Кейна от мыслей и он обернулся посмотреть на его обладателя: крепкого телосложения, немногим выше него, с коротко стриженными волосами и ухмылкой на бледном лице; он был одет в расстёгнутую на груди белую сорочку, сверху на которую был накинут потёртый плащ из грубой ткани. Из-за нарастающего в голове гула и лёгкого головокружения Кейн не сразу узнал этого человека, зато когда он наконец понял, кто именно стоит перед ним, то едва не задохнулся сигаретным дымом.

– Бэн, мать его, Костоправ! – вырвалось у него. – Бездна тебя поглоти, что ты здесь делаешь?!

Кейн был готов встретить здесь кого угодно, но только не «Костоправа» – именно под этим прозвищем его знали многие из ветеранов, а если и не знали, то слышали уж наверняка. Во время войны по всей линии фронта колонисты и имперцы со страхом рассказывали друг другу истории о безумном лекаре –

жестокий в бою, он был не менее жесток с ранеными противниками и тяжелоранеными союзниками, попадающими на его хирургический стол. Стоит ли говорить, что после встречи с ним выживали немногие из колонистов. В итоге дело Костоправа было передано разведке, и Кейну поручили выследить его. Вот только лёгкое, по мнению Брустера, задание по поиску и устранению нежелательного лица превратилось в долгий и кровавый кошмар, затянувшийся вплоть до окончания войны, после которой следы Бэна, Костоправа из Антригора, окончательно затерялись. По крайней мере для него.

– Я удивлён не меньше твоего, Дым. – Пристальным взглядом серых глаз Бэн внимательно следил за каждым его движением. – Так, кажется, тебя называли?

Кейн изогнул губы в кривой улыбке. Костоправ явно опасался, что он кинется на него. Попытается довершить, так сказать, начатое и закончить задание. Но Кейн неожиданно для себя вдруг ясно осознал, что не испытывает к нему абсолютно ничего – ему было просто наплевать на Бэна и на всё, что с ним связано. А ведь когда-то он был одержим желанием во что бы то ни стало найти ублюдка и выпустить кишки. Но сейчас, к собственному удивлению, Кейн даже не мог вспомнить, почему именно он так жаждал убить его.

– Да, это моё прозвище. – Он отвернулся от Костоправа и вновь опёрся на фальшборт. – По крайней мере было когда-то.

Помедлив, Бэн всё же встал рядом с ним и, помолчав некоторое время, кивнул в сторону почти скрывшегося города.

– Там жил? Или проездом?

– Там, – он кивнул. – А ты?

– Проездом. А так на Эг-Вигади с самого конца войны обитал.

– Эг-Вигади? – удивлённо переспросил Кейн. – Что ты там потерял?

– Лагерь военнопленных я там потерял. – Костоправ скривился. – Сразу после Рулофа аккуратно туда и угодил. Но мне повезло, ваши либералы протолкнули какой-то закон, и вскоре всех пленных оправдали и реабилитировали как, –

Уилторс сдвинул брови и продекламировал: – «как одурманенных жертв Имперской тирании и невольников ментального управления».

– Закон об амнистии военнопленных. Да, был такой. – Кейн сплюнул. Вот они, плоды чрезмерного человеколюбия – маньяков выпускают на свободу, вместо того, чтобы расстреливать. И на этих идиотов он собрался работать? Весёлая перспектива. – И что дальше? Чем ты занимался всё это время? Кромсал старушек в подворотнях?

Бэн рассмеялся.

– Почти угадал. Я работал ветеринаром.

– Ветеринаром? – Кейн хмыкнул. – А что, людей лечить не позволили? У тебя же такой богатый опыт.

Костоправ дёрнул щекой.

– Имперцам не очень охотно разрешали вести врачебную деятельность. Мне и лицензию ветеринара-то выдали с трудом. Ну а ты? У тебя, я смотрю, жизнь фонтаном бьёт.

– Точно. Тесная комнатуха и престижная работа грузчика. Я шёл к успеху и пользовался небывалой популярностью, знаешь ли. Об Эгиде откуда узнал? – резко сменив тему он внимательно наблюдал за Костоправом краем глаза, но тот лишь пожал плечами.

– Случайно вышло. Я уже давно подумывал рвануть куда-нибудь, и тут один клиент вовремя поделился со мной свежими новостями. – Поковырявшись во рту Бэн как бы невзначай поинтересовался: – Выпить есть желание?

Слегка помедлив, Кейн сделал последнюю затяжку и выбросил папиросу за борт.

– А почему бы и нет. Ты платишь.

1

Тихое сопение и храп смешивались со звуками рассекающего воду корабля и плеском волн. Всё это, включая гудящую после выпитого голову и зверский холод, мешало Кейну заснуть. Завернувшись в плащ, он решил подняться и немного пройтись. Поёживаясь и осматривая тёмные воды, окутанные густым туманом, он остановил взгляд на сгорбившейся на носу корабля фигуре с зажатым в вытянутой руке фонарём, тусклый свет которого серебрился, отсвечивая от корки бледного инея, покрывавшей тряпьё, в которое человек был одет. Кейн невольно сравнил смотрового с Опекуном-Витазархом, изображение которого видел когда-то в разрушенном храме Старого Мира. Во время Колониальной войны было уничтожено много подобных храмов, за что имперское духовенство с лихвой отплатило восставшим «еретикам».

Внезапно фигура смотрового ожила, он поднял руку, отчего заиндевевшая ткань сырого плаща затрещала, и раздался хриплый крик:

– Земля! Винтада!

Кейн вздрогнул.

Винтада. Его родной дом. Его земля.

Он подошёл к фальшборту и стал всматриваться в темноту, в которой начали проглядываться очертания далёкого берега: изломанного, чёрного, скалистого и безжизненного. Когда-то винтадцев боялись и уважали на всей Терра Секунде, а её цветущие поля воспевались по колониям. Но война с империей уничтожила это место, и теперь в большинстве своём это лишь выжженные неплодородные земли, носящие жалкое название «Яма-Винтада».

Резкий звон судового колокола вернул его в реальность. Сигнал к сбору, они скоро причалят. С трудом отвернувшись, Кейн вернулся к своему лежаку и забрал котомку. Постепенно палуба заполнилась проснувшимися пассажирами, которые выстраивались вдоль бортов, чтобы увидеть приближающуюся землю.

По мрачным лицам некоторых из них можно было легко определить выходцев с Винтады – они не шутили и не смеялись, а лишь молча смотрели в сторону берега.

Корабль медленно вошёл в порт Веноваля.

Как только они пришвартовались, Кейн дождался, пока все покинут корабль, и последним сошёл на берег. Он ступил на родную землю и вдохнул её воздух – воняло гарью, рыбьими потрохами и застоявшейся водой. Земля же была сухой и потрескавшейся, сплошь усеянной осколками камней и породы, через которую изредка пробивались пучки пожелтевшей травы. Кейн нагнулся, набрал горсть земляного крошева и медленно пропустил сквозь пальцы – вот и всё, что осталось от когда-то великой страны. Теперь же это поистине Яма, Яма-Винтада.

Кейн достал папиросу и, чиркнув спичкой по поясу, закурил. Осмотревшись, нашёл взглядом группу сошедших с корабля наёмников – всего около тридцати человек, с которыми он пил эти несколько дней. Некоторые из них были, также как и он, с Акмеи, других же подобрали с самых разных уголков Колоний: Ригада, Дзорт, Санат, Новый Телион и бездна знает откуда ещё. Но одно Кейн знал наверняка – эти люди не отсиживались в тылу и не понаслышке знали вкус крови и запах пороха. Так что Шэмит был прав – судя по всему, на Винтаде затевается что-то серьёзное. Поправив мешок, он направился к ним и остановился в некотором отдалении, прислушиваясь к негромкому разговору:

– Ну и что это за бездна? – Тучный мужик по имени Лордрот нервно ковырял вновь открывшуюся язву на шее и оглядывался по сторонам. – Нас же должны были встретить, верно? Но, расстреляй меня секурист, я не вижу ни одного мундира!

– Не поминай секуриста всеу. – Имени этого высокого и тощего, как жердь, мужчины Кейн не знал. – Нам сейчас только его не хватало.

Все одобрительно загудели, а кто-то особо суеверный даже сплюнул через плечо. Кейн же лишь презрительно фыркнул и хрипловато хохотнул – они, так же, как практически все ветераны, ошибочно называют тех, кто имеет хоть какое-то отношение к разведке, секуристами. Его реакция не осталась незамеченной и он мгновенно привлёк к себе всеобщее внимание.

– Чем это я тебя так развеселил, а, весельчак? Не поделишься радостью со стариной Жеком? – Жек по прозвищу Тощий хрустнул костяшками пальцев и оскалился наполовину беззубым ртом.

За Кейна ответил Костоправ, вставший рядом и по-дружески положивший руку ему на плечо.

– А вы что, ребята, не сообразили ещё? Весельчак Дым у нас раньше был секуристом. – Видя, как меняются их лица, Бэн остался доволен произведённым эффектом и, запрокинув голову, громко рассмеялся. – Ну вы даёте! Называется, не знали с кем бухали.

Его смех подхватили расслабившиеся наёмники. Как только атмосфера разрядилась, повеселевший Костоправ посмотрел на Брустера.

– Ну так что, господин секурист, ты-то по поводу всего этого что думаешь?

Кейн выдохнул дым и указал рукой с зажатой в пальцах папиросой за их спины.

– Думаю, вы зря беспокоитесь – наша делегация прибыла.

Все повернулись и стали наблюдать за появившимися из-за угла дальнего дома всадниками с тремя повозками, которые направились в их сторону. Всего Кейн насчитал восемь «душ», включая возничих, одетых в синие мундиры Аэгис Материум – трое кирасиров были вооружены мушкетами и тяжёлыми кавалерийскими палашами, у оставшихся двух он поначалу заметил только лёгкие шпаги, но как только они подъехали ближе, увидел у каждого по пистолю за поясом. Возничие же, на первый взгляд, вооружены не были.

Бэн уважительно цокнул, склонив голову набок.

– Хорошие у них, однако, лошадки.

Кейн кивнул – кони действительно у всех были крепкими и красивыми. Сразу видно, что о них хорошо заботятся и наверняка кормят даже лучше местных рабочих. Из отмеченных им двух всадников со шпагами отделился человек невысокого роста, смотревшийся карликом на своём гнедом жеребце. Если

судить по офицерским нашивкам на мундире и звёздам на левой стороне груди, это был лейтенант. Он остановился прямо перед ними и заговорил сиплым, простуженным голосом:

– Приветствую на Винтаде. Я лейтенант Фальфард, ищу отряд добровольцев, прибывших сюда по рекомендациям на корабле «Далакон». Среди вас есть такие?

– Есть. – Кейн швырнул окурок под копыта жеребца, одновременно с этим пытаюсь нашарить в кармане пачку, чтобы закурить ещё одну. – Это мы.

– В таком случае предъявите конверты, – скомандовал лейтенант.

Кейн не стал торопиться, наблюдая, как остальные достают коричневые конверты и показывают их сиплону. Краем глаза он также отметил, что Костоправ тоже не спешит показывать свою пригласительную. Фальфард, убедившись в наличии документов, кивнул и отдал приказ:

– Лезьте в повозки, я сопровождаю вас в лагерь.

Дождавшись, когда все погрузятся, лейтенант развернул своего гнедого и возглавил их отряд, который окружили остальные всадники. Кто-то недовольно проворчал, что всё это напоминает конвоирование военнопленных, но тут же заткнулся. Они медленно тронулись вслед за направляющим, слегка покачиваясь из-за неровной, сплошь усеянной рытвинами и ухабами, пыльной дороги. Изредка им попадались пешие патрули и всё чаще встречались обычные горожане, бредущие по своим делам. Хочешь заработать на буханку хлеба – вставай пораньше, бери кирку, натягивай комбинезон и иди работай. Насколько знал Кейн, Эгида ленивых работников не держала.

Да уж, этот городок сильно отличался от чистенькой и опрятной Акмеи – здесь не было того обманчивого лоска и приторной лжи о светлом будущем. Даже наоборот – тут каждый понимал, где его место и что будет с его семьёй, если он заболит и потеряет работу. Хотя, насколько Кейн мог судить, в Веновале люди жили весьма сносно. По крайней мере, по ним не скажешь, что они сильно голодают или нуждаются в тёплой одежде. Словно в ответ на его мысли налетел очередной поток ледяного ветра и заставил плотнее закутаться в плащ – сейчас бы точно не помешал стаканчик виски для разогрева. Чтобы отвлечься от

мыслей о холоде, Брустер вновь стал рассматривать дома и постройки, тянувшиеся вдоль улицы и тесно жавшиеся друг к другу, словно им тоже было холодно и они хотели согреться, привалившись к своему соседу.

Странно, Кейн всегда думал, что возвращение сюда не принесёт ему ничего, кроме новых страданий, но сейчас он абсолютно ничего не чувствовал, даже элементарной тоски или грусти. Ему было просто всё равно, словно он и не ехал по останкам родной земли. И его не покидало такое странное ощущение, словно он что-то... Оставил? Потерял? Забыл? Да, именно, забыл. Забыл что-то очень важное, жизненно необходимое. То, без чего Кейн перестал быть самим собой. Но, поглоти его бездна, что же это?

В задумчивости Брустер поднял взгляд к небесам, уже поменявшим тёмные цвета на привычное серое марево. Их вывезли за пределы города и повезли дальше вглубь чахлых долин, когда-то цветущих и прекрасных. На пути им попадались заброшенные хибары, пересохшие русла когда-то полноводных рек, сейчас заросших кустарниками – только они ещё и могли расти на этой мёртвой земле. Хотя так было не везде – попадались и клочки плодородной земли, на которой горбатились местные, пытаясь хоть что-то вырастить, надеясь, что их усилия не пропадут даром и скоро тьма отступит, и они вновь смогут увидеть солнце.

Бэну же нравилась эта картина, пропитанная отчаянием и безысходностью, но в которой ещё можно уловить надежду на счастливое будущее. Колонии не заслуживали иной участи, кроме как медленно гнить заживо, погружаясь всё глубже на самое дно. Поэтому он расценивал всё происходящее как заслуженное возмездие, божественную кару, неизбежность которой он ни на мгновение не ставил под сомнение. Ведь если Старый Мир разрушен, то почему Колонии должны быть исключением? Всему рано или поздно приходит конец, так пусть катятся в бездну вслед за остальными – и Бэн по мере сил им в этом с радостью поможет.

Когда дорога, петляя, резко пошла вниз, им открылся вид на ещё один городок, в котором расположился лагерь Аэгис Материум, со всех сторон огороженный высокой стеной, со стоящими на ней солдатами с мушкетами наизготовку. Несколько оборонных башен сверкали дулами пушек, а за ними раскинулся целый комплекс с казармами, складами, конюшнями и жилыми постройками.

«Видимо, лагерь был разбит в одном из заброшенных городков, который гильдия отстроила для своих нужд, – подумал Кейн. – Целый военный комплекс, а не место расположения добывающей компании».

Хотя чего он, собственно, ожидал? Это не удивительно, ведь ни для кого не секрет, что Эгида очень ревностно защищает свои интересы и даже оплачивает услуги мобильной армии наёмников. И, насколько он знал, никто особо не был против того, чтобы вооружённый контингент находился на их землях – учитывая разгул различных бандформирований, это обеспечивало сохранение в регионе порядка, который был на руку гильдии. Поэтому нередко Аэгис при содействии властей организовывала патрулирование территорий и защиту жителей. Кейн окинул взглядом своих попутчиков – а может, именно в этом причина найма ветеранов? Защита винтадцев? Не исключено.

С городских стен их конвой заметили ещё издали и пропустили без промедлений. Как только они преодолели ворота, Фальфард спешился, оказавшись чуть ли не на голову ниже Кейна, и, заложив руки за спину, скомандовал:

– Всем построиться и приготовить бумаги для проверки.

Брустер прыгнул с повозки и занял место в шеренге, после чего вытащил из внутреннего кармана помятый конверт и протянул подошедшему помощнику лейтенанта – молодому солдату с чернеющей полоской усов на губе. Тот забрал его и, изучив бумаги и сверившись со списком в руках, согласно кивнул и направился к следующему. Бэн сплюнул и тоже отдал свою рекомендацию. И так всё повторялось до тех пор, пока проверяющий не остановился у побритого налысо парня, с глупой улыбкой на лице засунувшего большие пальцы рук за ремень. Окинув его раздражённым взглядом, младший офицер нервно помахал перед ним рукой:

– Не задерживаем, подаём документы.

– Извиняйте, командир, я свои, видимо, на корабле посеял. Но я стабильно у вас в списке прописан, по имени гляньте – Уитл Датлант из Йоме.

Проверяющий с секунду смотрел на парня, потом обернулся к лейтенанту – Фальфард недолго думая отдал короткий приказ:

– За ворота его.

Двое наёмников тут же подскочили к парню и, заломив ему руки за спину и не обращая внимания на крики, потащили к выходу.

– Вы охренели?! Я есть в списке! Посмотрите в свои грёбаные бумаги! Я есть в списке!

Кто-то из стоявших рядом с Кейном пробормотал:

– А на корабле он говорил, что его зовут Хамфри...

Когда «Уитла-Хамфри» вышвырнули за ворота, офицер как ни в чём не бывало продолжил обход. У остальных документы оказались в порядке.

– Так. – Фальфард забрал у помощника бумаги и бегло пробежался по списку. – Сейчас вас всех проводят в казармы, где вы получите договор о сотрудничестве с Аэгис Материум. Если кто-то не умеет читать, попросите принёсшего вам договор зачитать его. Как только подпишите документы, вам выдадут форму, амуницию и препроводят в душевые, после чего покажут спальные места. Если всё сделаете быстро, успеете на обед. Свободны.

Кейн вздохнул с облегчением – всё прошло без проблем, спасибо Шэмиту. Ведь пойдя что не так и окажись документы подделкой – он окинул оценивающим взглядом подручных сиплого и солдат на стенах – то выбраться отсюда, избежав расспросов, было бы затруднительно. А так попасть сюда особого труда не составило, а дальше будем действовать по обстоятельствам. Подхватив пожитки, Кейн вместе с остальными отправился за помощником лейтенанта, который продолжал инструктировать их по дороге.

– Я младший лейтенант Тарто Джадс. До того момента, пока вас не распределят в группы, за вас отвечаю я. Поэтому по всем возникающим вопросам обращайтесь ко мне – блок «2-Б», казармы офицерского состава. Сами вы временно будете проживать в общем блоке «Г». Теперь о главном: перед тем, как вы поставите свою подпись, вы все должны уяснить одну вещь: мы – профессиональная наёмная армия на службе у гильдии, и подписав контракт, вы станете одними из нас. А это значит, что вы должны жить по установленным

правилам, если хотите задержаться в наших рядах. Запомните – каждое ваше действие оставляет след на репутации гильдии, а это значит, что надев мундир Эгиды, вы несёте полную ответственность за совершенное. Поэтому вам следует хорошенько выучить основные постулаты нашей службы – никаких попок в служебное время, никакого разбоя или насилия, никаких драк, соблюдение субординации и безоговорочное подчинение приказам старших по званию, а также неразглашение внутренней информации. Нарушение устава повлечёт за собой увольнение и, в отдельных случаях, трибунал.

«В отдельных случаях, – Кейн усмехнулся. – Эти ребята уже начинают мне нравиться. Если кто из новоприбывших и надеялся на службу спустя рукава, то теперь на это вряд ли стоит рассчитывать. Пусть ты прошёл войну, но здесь ты обычный солдат, а посему изволь подчиняться или катись. Правильный подход».

Брустер окинул взглядом окружающие его дома и постройки. Он также обратил внимание на то, что их провожатый тактично умалчивает о структуре лагеря и ведёт отряд в основном общими дорогами. Видимо, это подстраховка на случай, если кто-нибудь из них пойдёт на попятную – ведь если ты ничего не видел, то и спросу с тебя никакого, верно?

Вскоре они вышли к казармам, которые были устроены на месте старых амбаров. Это и был пресловутый блок «Г» или, как его называют наёмники, «пехотный блок», или же используют более фривольное слово на букву «г». Как они позже узнали, помимо пехотного здесь был также тактический (блок «В»), офицерский (блок «Б») и командный (блок «А»). И если с пехотным всё ясно, то в тактическом в основном служили те, кто хорошо показали себя во время службы и посему были распределены по специальным группам – гарнизон, патруль, охрана, так называемые бродяги (мобильная группа реагирования, которую постоянно перекидывают из одного места в другое по мере необходимости), разведка и так называемые универсалы, которым везде комфортно. Тактикам были выделены отдельные от пехоты казармы, а вот у офицеров всё было ещё лучше – собственные дома на окраинах. Ну а самые лучшие квартиры, естественно, достались командованию.

Их завели в один из амбаров, внутри которого практически всё свободное пространство занимали двухъярусные койки, и велели располагаться. Кейн и Бэн практически одновременно направились в самый конец помещения, заняв дальние кровати и выбрав верхние ярусы – оба руководствовались тем, что в случае чего всегда есть время проснуться. Да и к тому же обычно начинают

расправу с нижних.

Бэн, скинув свои пожитки, покосился на расположившегося на соседней койке Брустера. Стоит ли доверять ему? То, что они вместе выпили, ещё ничего не значит. Слишком свежи были воспоминания о том, как Дым гонялся за ним по всей линии фронта. Он не верил, что жажда мести может исчезнуть бесследно – сам Уилторс тому подтверждение. Ведь именно ненависть к колонистам помогала ему терпеть их каждодневное присутствие, улыбаться, любезничать – всё это было только ради того, чтобы, когда настанет время, отомстить им, приложив руку к последнему аккорду их существования. И если для этого ему надо будет подружиться с Брустером и служить интересам Колоний – он это сделает.

– Читать-писать умеете?

Бэн вынырнул из своих размышлений и рассеянно посмотрел на подошедшего адъютанта.

– Умеем, – ответил за обоих Кейн. – Давай бумаги и самопиши.

Он взял договор и протянул один из экземпляров Костоправу.

– Частенько в ступор впадаешь?

– Я просто задумался, – проворчал Бэн и уставился в документы.

Кейн хмыкнул и тоже принялся за тщательное изучение договора. Условия были весьма неплохи: Аэгис Материум предлагало тысячу марок в месяц плюс премиальные, не считая производственных расходов. Отдых раз в год сроком до месяца. И если он хоть что-то понимал в договорах, то тут всё было чисто. Никаких мутных строк мелким почерком, все чётко и доступно. Кейн не долго думая расписался и вернул бумаги – всё-таки он сюда не на отдых приехал, чтобы придирается к деталям. Костоправ тоже сомнениями не терзался и всё быстро подписал.

Когда все заключили контракт и с официальной частью было покончено, Тарто Джадс вновь взял слово:

– Теперь, после того, как вы сообщите адъютанту ваш размер, вам выдадут обмундирование. На всякий случай отмечу, чтобы вы тщательно следили за своим внешним видом. Что касается амуниции, то её вы сможете получить в оружейной. Душевые и столовая находятся на территории блока. По расписанию: обед в двенадцать, ужин в семь.

– А завтрак? – спросил кто-то из наёмников.

– Только обед и ужин, остальное за ваш счёт. Ещё вопросы? – Он обвёл взглядом ветеранов – вопросов больше не было. – Тогда это всё. Поздравляю со вступлением в Аэгис Материум.

2

Кейн медленно вошёл в пустующие душевые. Запах сырости, пожелтевший и потрескавшийся от времени и влаги пол, звук беспрерывно капающей из проржавевших кранов воды и гудение временами гаснущего «светара» – магифактического кристалла, освещающего эту душевую для сумасшедших. В подобные комнаты они когда-то сгоняли военнопленных и заставляли мыться в ледяной воде, а те дрались за единственный кусочек выданного им мыла. Кейн сплюнул.

Сложив выданную ему форму гильдии на трухлявую скамью, он не без удовольствия стянул свои провонявшие обноски и вышвырнул в стоящее в углу жестяное ведро. Словно сбросил старую шкуру. Открыв сразу оба вентиля, подставил своё испещрённое шрамами тело потоку ледяной воды, ожёгшей его, словно пламенем. Он чувствовал, как струи ржавчины стекают по волосам, коже, перемешиваются с его собственной грязью, но это не мешало ему подставить им лицо и наслаждаться той расслабленностью, которую дарил ему душ. Кейн стоял так не двигаясь до тех пор, пока ржавчину не сменила чистая горячая вода. Взяв выданный ему пузырёк с надписью «против вшей» он усмехнулся – мелким паразитам на его голове пришёл конец.

Не без сожаления он перекрыл воду – Кейн уже и не помнил, когда в последний раз принимал горячий душ. Быстро отеревшись, стал надевать новую форму: тёмно-синие штаны, серую льняную рубаху с карманами по обе стороны груди и со стоячим воротником, как у монаха, а также крепкие военные сапоги с высокими голенищами. Тёмно-синий вообще считался цветом Аэгис Материум, и

их солдат в народе называли «синими» как раз из-за цвета их формы. Ему также полагался плотный мундир с нашивками рядового, который можно было застегнуть аж до самой шеи. Из своих старых вещей он решил оставить лишь шляпу, ремень с потайными отсеками и тяжёлой бляхой, да плащ-пыльник, который накинул поверх мундира – осенние ветры на Винтаде всегда были безжалостны, а уж в дни тьмы лишняя одежда ему точно не помешает.

Закончив одеваться, Кейн вышел в коридор и осмотрел себя в мутное ростовое зеркало. Хм. Неплохо. Весьма неплохо. Он почесал бороду и скривился – это уже становится привычкой. Надо бы побриться и что-то сделать с волосами. Как сказал младший лейтенант – Кейн усмехнулся – надо тщательно следить за своим внешним видом. И, к сожалению, с выпивкой придётся завязать. Ведь чтобы его заметили, надо показать себя с самой лучшей стороны – обычным рядовым служебные тайны не доверяют. К тому же кто знает, может ему здесь понравится?

С этими мыслями он неспешно покинул душевые. Теперь нужно сходить за амуницией, получить аванс и можно приступать к службе.

3

Кейн наткнулся на Костоправа по дороге – тот стоял голый по пояс у бочки с водой и окунал в неё голову. Подойдя к нему, он поставил ногу на стоявший рядом ящик и опёрся локтем о колено.

– Про душевые ты, видимо, не расслышал.

Бэн сплюнул в бочку и стал натягивать рубаху на мокрое тело.

– Если ты про тот ушатанный хлев с прогнившими досками и проржавевшими кранами, то я предпочитаю бадью с чистой водой.

Кейн усмехнулся и поскрёб ногтем в ухе.

– Тебе надо было дождаться, пока ржавчина стечёт, а там уже и чистая горячая пошла бы. Между прочим, горячая у нас тут будет только по определённым дням, так что советую сходить искупаться.

Бэн немного помедлил, прежде чем ответить:

– Обойдусь.

– Как знаешь. Тогда хватай манатки и пошли.

Скривившись, Костоправ на ходу натянул мундир, застегнув его до половины. Всё-таки зря он нормально не обтёрся – здешние ветры ему определённо не нравились. Но зато теперь его практически не ограничивают светские законы и с каждым мгновением он чувствовал, что притворяться больше не придётся. А то он почти свыкся со шкурой услужливого ветеринара.

– А куда мы, кстати? – запоздало спросил Бэн, сообразив, что не знает, куда они направляются.

– Нам нужен оружейный склад, – ответил Кейн, осматриваясь. – Возьмём всё необходимое и покончим с формальностями.

Дальнейший путь проделали молча, изредка останавливаясь, чтобы узнать направление. В конце концов вышли к складам, которые, если судить по тому, что они успели увидеть с холмов, занимали практически всю восточную часть городка. Вход на их территорию хорошо охранялся, но мундир и выданные документы позволили избежать лишних вопросов. Миновав ворота, они растерянно остановились.

– Бездна, надо было у охраны спросить, где тут оружейная, – проворчал Кейн и уже было повернулся к воротам, но Бэн хлопнул его по руке.

– Смотри, это не Язва там?

– Кто?

– Лордрот, который с язвой на шее. – Бэн присмотрелся к человеку, который пытался застегнуть на поясе ножны с мечом. – Точно, он. Пойдём. Эй, Язва!

Лордрот посмотрел в сторону свистящего Костоправа и, махнув им рукой в знак приветствия, направился на встречу, по пути всё-таки приладив ножны как следует. Пожав руку Бэну, потянулся было и к Кейну, но тот проигнорировал этот дружеский жест. Наёмник сразу стушевался и в замешательстве принялся ковырять свою язву.

– Э-как, секурист снова в деле. Умеешь заводить знакомства, Костоправ. Уважаю.

– Заткнулся бы ты, пока я добрый. – Язва даже не успел среагировать, как Бэн резким движением выхватил из ножен его клинок. Кейн невольно напрягся и сделал шаг в сторону, наблюдая за тем, как он стал перекидывать его из руки в руку. Мало ли что могло прийти Костоправу в голову – например, выпустить ему кишки. Лордрот, видимо, был такого же мнения и мгновенно вспотел, не сводя глаз с наточенного лезвия. – Хороший меч, Язва. На складе взял?

– Ну.

– А мушкет что, не выдали? – спросил в свою очередь Кейн.

Лордрот покосился на него.

– Я плохо стреляю, ток если в упор. С мечом привычнее.

– Понятно. – Бэн протянул меч рукоятью вперёд и Язва неуверенно взял клинок. – А остальные где?

– Да где-то тут шляются. – Лордрот вложил клинок в ножны и вновь принялся скрести свою болячку, и Кейн, наблюдающий за тем, как из под лопнувшей корки вытекает белесый гной, не выдержал и в отвращении скривился.

– Слушай, эта дрянь не заразная?

– Болячка штоль? Да шут его знает. – Язва равнодушно пожал плечами. – Ладно, пошёл искать жральню. Бывайте.

Проводив его взглядом, Кейн повернулся к Бэну.

– Здраваться с тобой я больше не буду.

– Больно надо было.

Служившее складом большое здание, из которого вышел Лордрот, напоминало коробку, состоящую сплошь из бетонных плит. Двери хоть и проржавели, зато были крепкими и толстыми. Видимо, раньше это было одним из убежищ, построенным ещё во время войны для защиты от магических ударов. Люди не сильно доверяли барьерам, которые якобы поддерживали рубежные маги, предпочитая обезопасить себя чем-то более осязаемым, и поэтому строили подобные убежища по всем колониям. Как оказалось, в большинстве своём не зря. Но вот только винтадцев это не сильно спасло.

Кейн повернулся к двери спиной и пару раз с силой ударил по ней ногой. Вскоре смотровая щель открылась и также быстро закрылась. Послышались звуки отодвигаемых засовов, после чего дверь, к их удивлению, совершенно бесшумно открылась и наружу вышел щурящийся рыжеволосый детина в рабочем комбинезоне.

– Бумаги есть? – хриплым голосом поинтересовался он, промаргиваясь и протирая покрасневшие глаза.

– Есть. – Кейн с Костоправом показали разрешение на получение амуниции, выданные им вместе с формой. – Мы пришли...

– За тем же, зачем и все остальные. – Забрав бумаги, рыжий небрежно свернул их и засунул в нагрудный карман комбинезона. Посторонившись, кивнул в сторону освободившегося прохода. – Шустрее.

Перешагнув порог, Кейн приготовился попасть в холодный склеп, но вместо этого оказался в тёплом коридоре, хорошо освещённом гудящими светарами, идущими вдоль стены. Позади них рыжий детина закрыл дверь и повернул колесо посередине – щёлкнули двойные засовы, заблокировавшие дверь наглухо. Пройдя мимо них, он обронил «идите за мной» и молча повёл их в глубь склада, изредка оборачиваясь, чтобы проверить, идут ли они за ним.

– Как тебя зовут, приятель?

Хмуρο посмотрев на нарушившего тишину Кейна, рыжий дёрнул щекой, но всё же ответил.

– Борб.

– Давно тут работаешь?

– Давно.

– Сегодня к тебе, наверное, частенько заходят, да?

– Типо того. – Перед появившейся развилкой Борб повернул направо и стал спускаться по лестнице. – Сюда.

Кейн, также как и Бэн, не особо понимал, чего он собственно хотел добиться от старины Борба и зачем вообще затеял этот, без сомнения, «содержательный» разговор. Наверное, ему просто было не по себе вновь оказаться в стенах убежища. Виски сразу стали ныть, а тишина давить на нервы. Стали мерещиться далёкие крики и плач, и его начало слегка покачивать от лёгкого головокружения. Дико захотелось закурить. Кейн достал пачку дрожащей рукой и вытащил папиросу пересохшими губами. Вдруг яркий свет заставил его зажмуриться. Когда же он вновь смог открыть глаза, то его взору предстал огромный зал, потолок которого терялся в темноте, так же, как и дальние стены убежища. Всё свободное пространство когда-то заставленного койками зала теперь занимали ровные стеллажи с самым разнообразным оружием и какими-то коробками, а доступ к некоторым стеллажам перекрывали решётки с крепкими замками на цепях.

– Эту хрень можно выключить? – Бэн прикрыл глаза одной рукой и указал на установленные по бокам огромные кристаллы, яркие лучи которых были направлены прямо на проход, в котором они стояли.

Борб, который привычно зажмурился, проходя мимо – как он их называл – «слепилок», обернулся к ним с довольной ухмылкой.

– Нельзя. Не положено. – Он перевёл взгляд на Кейна и, шагнув к нему, вытащил из его рта папиросу и потряс перед ним. – Здесь курить нельзя. – Борб подошёл

к бочке у стены и сел на неё. Достал из комбинезона пачку спичек, не торопясь раскурил отобранную у Кейна папиросу и постучал по бочке костяшками пальцев. – Порох.

Бэн усмехнулся – этот парень ему определённо нравится. Кейн же молча убрал пачку в карман и сухо поинтересовался:

– Что мы можем взять из твоих запасов?

– Всё, чем умеете пользоваться. – Борб выдохнул в его сторону поток дыма. – Мушкеты, пистолы, мечи. Стандарт.

– А магифакты?

– Пока не положено. Не по чину.

Бэн улыбнулся и направился напрямик к стеллажам, напевая примитивный мотивчик какой-то кабацкой песенки. Кейн проводил его взглядом и тоже пошёл отовариваться. А выбрать было из чего. Аэгис Материум явно не скупилась на оружие для своих наёмников – тут действительно было всё, начиная от кастетов и заканчивая эспадонами. Причём, насколько он мог судить, оружие было в отменном состоянии. Видимо, Борб умел заботиться о вверенном ему имуществе. Кейн подобрал себе обычную шпагу из хорошей стали и дагу к ней, кинжал с ножнами на бедро, пистоль и панталер с креплениями для него и патронной сумки, а также взял короткий засапожник – так он привык называть нож, который прятал за сапогом или крепил на голени. Немного поколебавшись, решил всё-таки взять к пистолету мушкет – мало ли, вдруг пригодится. Хотя что из арбалета, что из пистоля или ружья он не стрелял уже больше десяти лет и сомневался, что сможет попасть в цель хотя бы с расстояния в пятнадцать ярдов. Но Кейн надеялся, что это как с плаванием – раз научишься и никогда не забудешь. Особенно если раньше поражал с расстояния в пятьдесят ярдов бегущую цель. Хотя «поражал» не совсем верно, правильней будет сказать «убивал».

Закончив облачаться в выбранное снаряжение, он несколько раз подпрыгнул, проверяя, всё ли хорошо закреплено. На первый взгляд ничего не мешало. Он положил ладонь на эфес шпаги и не смог сдержать улыбки. Кейн чувствовал какое-то странное облегчение, словно груз, который всё это время давил ему на

плечи, наконец-то спал, и он обрёл свободу. Вновь был виден смысл в жизни и была чёткая цель, которую он мог достичь. Закинув мушкет на плечо, Кейн вышел к Борбу и тот смерил его одобрителем взглядом.

- Быстро. Это хорошо. Давай сумку, отсыплю пороха и пуль.

- Это можно. - Кейн отстегнул сумку и, наблюдая за тем, как кладовщик её наполняет, решил продолжить свои расспросы: - Слушай, Борб, а я тебя нигде не видел? В смысле ты служил? Был на войне?

- Был.

- Служивый, значит. И кем? И откуда ты родом? Отсюда? С Винтады?

- Не совсем. - Борб закончил засыпать порох в пороховницу и аккуратно уложил её в сумку. После чего взял специальные патронташи и также стал заполнять их порохом. - Я служил Империи и родом я с побережий Алтании, с мыса Далты.

Кейна это известие настолько удивило, что он чуть было не сел мимо стула, но успел за него ухватиться и сохранить равновесие. В полуприсяде он внимательно рассматривал невозмутимое лицо Борба. Бывший имперец? Здесь? Заведует складом оружия и раздаёт его своим бывшим врагам? Как ему вообще смогли доверить подобное? Безумие. Хотя чему тут удивляться, ведь у него самого в знакомых Кровавый Костоправ из Антригора.

- Смотри-ка, Брустер, вокруг одни имперцы. - Бэн вышел из-за тёмных стеллажей, неся на плече внушительных видов мушкетон, а на его поясе красовался не менее внушительный боевой топор, топорище которого он сжимал свободной рукой. - Советую почаще оглядываться.

Костоправ его тоже удивил - он-то ожидал, что тот обвешается оружием и унесёт на себе чуть ли не весь склад. Но тот ограничился топором, панталером и мушкетонном.

Бэн отстегнул патронную сумку и бросил её Борбу на стол.

– Набери и мою тоже. Знаете, эта аркебуза мне по нраву. – Он снял с плеча мушкетон и, нацелив на Брустера, щёлкнул затвором. – Наверняка может пробить насквозь даже двоих.

– Это не аркебуза, Костоправ. Это мушкетон. Он бьёт в основном картечью.

– Картечью? – Бэн усмехнулся. – Это даже лучше, чем я думал.

– Кто ж в этом сомневался, – хмыкнул Кейн и вновь переключил своё внимание на Борба. – И чем ты занимался на войне?

– Тем же, чем и сейчас. – Он пожал плечами, застёгивая плотно набитую сумку Кейна. – Выдаю оружие убийцам вроде вас, чтобы вы и дальше могли убивать всех подряд.

– Чертовски правильная позиция, Борби. – Бэн поднял большой палец вверх, Кейн же развёл руками.

– Тут я тебя разочарую – мы вроде никого убивать не собираемся.

– Не знаю, как ты, Дым, а я лично не стал бы зарекаться. – Бэн нежно погладил мушкетон.

На лице Борба заиграла странная улыбка. Он подхватил потяжелевшую сумку и подошёл к Брустеру, смотря на него сверху вниз так, что Кейну стало не по себе, но глаз он не отвёл.

– А это не имеет никакого значения. Люди всегда найдут причины убивать друг друга. И всегда нужен тот, кто будет подавать им оружие. – Борб протянул ему патронную сумку.

Кейн слегка помедлил, прежде чем взять её. Но когда сумка оказалась в его руках, он удивился её солидному весу. Борб же вновь отошёл к столу и стал наполнять сумку Костоправа, одновременно давая инструкции.

– Я положил вам полную пороховницу отборного пороха, отдельно наполнил патронташи и вдобавок накидал бумажных патронов. Кроме этого положил

мешочек с пулями. Должно надолго хватить. – Рыжий вернул наполненную сумку Бэну. – Тебе положил и картечь, и обычных зарядов.

– Спасибо, земляк.

Борб слегка кивнул в ответ и уселся на стол. Перегнувшись через него, пошарил под ним рукой и вскоре выпрямился, держа довольно старенькую табулу. Эти магифакты были довольно распространены в колониях, особенно в послевоенные годы. Можно сказать, что это просто промышленный аналог волшебного зеркала. Делали их частные зачарователи и торговцы редкостями, осевшие в колониях и наладившие бизнес – ведь состоятельные покупатели были не прочь приобрести зеркала, ведающие различные тайны и выступающие в роли удобных хранителей информации.

И во время войны табулы поставили на поток, что было чертовски здоровой идеей – мало того, что надо было уметь с ней обращаться, так всё ещё было на десять раз закодировано. Даже если имперцам удавалось перехватить табулу, они ничего не могли поделаться с «бесовской» магией колонистов. Жаль только, что в то время они были редкой диковинкой, да и сами колонисты в большинстве своём не умели ими пользоваться. Так что чаще всего приходилось передавать информацию по старинке – документами.

Табула напоминала средних размеров прямоугольное зеркало из чёрного «стекла Терсека» в стальной оправе, правая сторона которой была толще и напоминала трубку, в которой имелось специальное отверстие для кристалла – арканита. Без него магифакт не работал. Собственно, практически все магифакты работали на этом чудо-кристалле, компоненты которого на Яме же и добывали, чтобы впоследствии создать арканит, зарядив его игнитарной энергией огня в специальных концентрационных печах. Тут, конечно, не такие богатые месторождения, как на Эг-Вигади, ещё одном промышленном острове, но и не такие бедные, как, скажем, на Гес-Вигади.

Борб достал из кармана тускло блестящий изумрудный арканит и пристально изучил его при свете ламп – судя по его яркости, он ещё мог дать достаточно заряда для магифакта, хотя и сильно потускнел. Нахмурившись, он потёр кристалл о штанину и вставил в табулу – раздался медленно нарастающий пронзительный свист, потом что-то щёлкнуло, и магический туман, заполняющий стекло терсека, стал складываться в вязь подрагивающих символов.

– Неплохие хреновины выдают кладовщикам, – буркнул Бэн, наблюдая за манипуляциями с магифактом.

Борб, закончив водить пальцем по стеклу табулы, удовлетворённо кивнул и протянул её наёмникам.

– Приложите руку к стеклу.

– Зачем? – Бэн буравил недоверчивым взглядом гудящий магифакт. За всё время своего пребывания в Телионе, столице Эг-Вигади, он старался избегать магифактов. Почему? Он и сам не знал. Это, скорее, было на уровне инстинкта.

Кейн ответил за Борба, подойдя к табуле и прикладывая руку к её вибрирующей ледяной поверхности.

– Чтобы заверить список того, что он отпустил тебе со склада. Не волнуйся, эта штука не кусается.

Бэн метнул в его сторону злобный взгляд.

– Я и не волнуюсь, Дымок.

Костоправ быстро приложил руку к холодному стеклу и почувствовал лёгкое покалывание в ладони. Борб ещё раз посмотрел на табулу и кивнул.

– Это всё. На выход.

Кейн был только за – ему не терпелось как можно быстрее покинуть убежище. Как только они оказались снаружи, он облегчённо вдохнул свежий воздух и тут же закурил, блаженно закрыв глаза и вгоняя горький дым поглубже в лёгкие.

– Поберегись! – раздался дикий вопль, заставивший его вздрогнуть и мгновенно распахнуть глаза.

Он едва успел отпрыгнуть в сторону от чуть было не переехавшей его тяжёлой телеги, запряжённой парой здоровых коней. Возница, придерживая шляпу на

голове, привстал на козлах и что-то проорал ему, но Кейн точно не разобрал, куда именно его только что послали. Вслед за первой телегой проехали ещё пять точно таких же. Судя по вспененным коням и оставленным колёсами глубоким следам, телеги были полны под завязку. Брустер задумчиво проводил их взглядом и обернулся к кладовщику, уже было собравшемуся скрыться за дверь убежища.

- Не знаешь, что они везут?

Тот без всякого интереса посмотрел на указываемые телеги и пожал плечами.

- Груз. Вся тяжёлая промышленность расположена ближе к шахтам, там же всё обрабатывают, а потом на поезда и свозят сюда готовое сырьё.

Кейн кивнул. Как только дверь захлопнулась, Бэн поравнялся с ним.

- Ну что, идём? Или будем и дальше тут торчать? Я проголодался.

- Да, твоя правда. Пошли.

Когда они вышли за ворота, Бэн не переставал наблюдать за Брустером краем глаза и думать о том, почему Дым так зацепился за него. Что это - специальная уловка, чтобы притупить его бдительность и ударить исподтишка? Или он задумал использовать его в своих тёмных делишках? У Бэна от этих мыслей появилось стойкое желание не мучиться догадками, а просто свернуть Брустеру шею.

Но, видимо, Кейн и сам понимал, что следует прояснить данный вопрос, поэтому начал разговор:

- Если уж говорить начистоту, Костоправ, то я не хочу надолго задерживаться в рядовых. У меня немного другие планы.

Бэн насторожился.

- Это какие же?

– Хочу в кратчайшие сроки сменить свои нашивки на более презентабельные, – Кейн пожал плечами. – Так и мощно будет туже, и связи шире.

– Хорошие планы. Вот только я тут при чём?

– При том, что в одиночку это будет труднее сделать. Понимаешь, я тут навёл справки и выяснил, что нас скорее всего распределят в группы для большей эффективности. Поэтому было бы просто замечательно, чтобы в мою группу вошёл человек, на которого я мог бы рассчитывать и вместе с которым мы бы хорошо сработались. К тому же для ветеранов здесь создана упрощённая система продвижения по службе. Так что условия имеются, было бы желание. – Кейн сделал паузу. – И я подумал, что это может тебя заинтересовать.

Костоправ задумчиво склонил голову набок.

– Взаимовыгодное сотрудничество, да?

– Верно, – Кейн кивнул. – Из всех наёмников Эгиды я хорошо знаком только с тобой. К тому же мы оба хорошо знаем, чего можно ожидать друг от друга и на что каждый из нас способен. Так почему бы не воспользоваться этим?

Бэн улыбнулся.

– Дело говоришь, Дымок. Я согласен.

Кейн в ответ тоже улыбнулся и они пожали друг другу руки.

В конце концов, это будет даже забавно – два бывших врага в одной упряжке.

4

Надёжно скрытый тьмой, Кейн осторожно полз по земле, правой рукой подтягивая следом крепко сжимаемый мушкет, а левой шпагу. Его обострившийся слух уловил какой-то подозрительный шум, выбивающийся из окружающих ночных звуков, и он в очередной раз замер.

Налетевший порыв ледяного ветра всколыхнул пожухлую траву, принеся с собой запах моря и шелест волн. Но кроме этого Кейн почувал гарь костра и соблазнительный запах жареного мяса, от которого рот мгновенно наполнился слюной. Хорошо ещё, что перед вылазкой он плотно поел и желудок не должен заурчать в самый неподходящий момент. А он подполз уже достаточно близко, чтобы такая мелочь была способна демаскировать его. Если, конечно, контрабандисты догадались выставить часовых.

Он уже вполне мог расслышать обрывки фраз и грубый хохот, и по меняющимся интонациям мог даже предположить, что на берегу находится как минимум четверо. Но разведка сегодня не была его целью – её уже успешно совершил Малой Эллад – поэтому, выждав для надёжности ещё некоторое время, он подполз к краю небольшого берегового обрыва, раздвинул кусты, взял на изготовку мушкет и залёг на позиции.

Малой Эл не ошибся – как он и говорил, контрабандистов действительно было девять: четверо сидело у костра, пятый спал в некотором отдалении от них, один копошился в вытащенных на берег лодках, ещё двое ходили вокруг с мушкетами и явно были часовыми, а последний так и вовсе торчал у воды и меланхолично бросал камешки в море. Видя такую беспечность, Кейн усмехнулся. Конечно же, откуда привыкшим к собственной безопасности «ребятам» было знать, что в Веновале повязали покрывавшего их чинушу, и тот с радостью сдал подельников. И эта банда была уже третьей на этой неделе, которую им предстоит накрыть. Хотя сказать что-либо конкретное именно по этой группе чинуша так и не смог – ему просто платили за то, чтобы в нужный момент он смотрел в другую сторону, так что о том, каким именно товаром промышляют эти контрабандисты, выяснить не удалось. Но рассматривая поверх мушкета хорошее обмундирование и вооружение людей на берегу, Кейн предполагал, что с деньгами у них проблем не наблюдалось.

От размышлений его отвлек намотанный на ладонь медальон – затёртая, испещрённая закорючками монетка. Он ощутил, как нагрелся металл, слегка обжигая кожу. Вот и сигнал. Значит, все уже на позициях и ждут приказа к атаке. Кейн несколько раз глубоко вдохнул, успокаивая сердце, и прицелился в ногу ближайшему к нему часовому. Плюс и одновременно минус Сумеречных дней в том, что ночью темно, хоть глаз выколи. Подкрасться незамеченным не в пример проще, чем при полной луне, но и целиться в разы сложнее. Но света от костра вполне хватало, чтобы не промахнуться.

Едва до него долетел отзвук сигнального выстрела, Кейн спустил курок и его цель, закричав от боли в простреленном колене, упала на землю. Одновременно с этим со всех сторон раздались нестройные ружейные хлопки и крики застигнутых врасплох контрабандистов. Он не торопился вставать, не спеша оценивая обстановку: легли практически все, кроме того, который копался в лодке – этот гад сразу же прыгнул на её дно и затаился. Кейн видел, как его рука с пистолем показалась над бортом и он выстрелил в темноту, из которой тут же донёсся изумлённый крик. Надо же, какой меткий попался.

– Всем на берегу, слушать сюда! Если не хотите сдохнуть, то советую отбросить подальше оружие и не дёргаться! Те, кто этого не сделают, напьются свинца!

Кейн хмыкнул. Мартло, как всегда, красноречив.

– Катитесь в Бездну, твари! – лодочник вновь высунулся и выстрелил на голос. В ответ его лодку изрешетило несколько пуль, но это видимых повреждений ей не принесло.

Н-да, тяжёлый случай. В отличие от этого упрямца остальные подранки послушно выполнили приказ. Обычно всё на этом и заканчивалось, а теперь придётся думать, как выкурить оттуда этого тупицу. Краем глаза Брустер заметил вынырнувшую из тьмы фигуру, которая стремительно бросилась к лодке. Кейну даже не надо было гадать, чтобы узнать её обладателя.

Быстро проскочив разделяющее их расстояние, Костоправ схватил вынырнувшую из-за борта руку с пистолем. Даже отсюда Брустер отчётливо расслышал мерзкий хруст, а уж про сопровождающий его крик и говорить нечего. Бэн нагнулся, ухватил лодочника и вышвырнул его из удобного убежища.

Ну вот и всё. Выкурили, называется. Вздохнув, Кейн поднялся на ноги и, накинув ремень мушкета на плечо и прицепив шпагу, спустился вниз. Остальные тоже вылезли из своих укрытий и стали стягиваться на берег, по дороге связывая сдавшихся контрабандистов. Он же направился напрямик к костру, у которого уже сидел Костоправ и по-хозяйски наливал в кружку найденное пойло, закусывая жареным мясом.

– Я смотрю, ты времени зря не теряешь.

Бэн протянул ему кружку.

– Ну не пропадать же добру.

Взяв выпивку, Кейн сел рядом и тоже подцепил горячее жаркое.

– Чётко сработали, да? – Малой Эллад, крепкий русоволосый парень, подскочил к ним и тут же ухватил кусок мяса, отправив его в рот.

– Почти. Кого ранили-то?

– Да из группы Яра один придурок подставился. – Эл подтянул к себе лежащий у костра мешок и принялся рыться в нём в поисках чего-нибудь ценного. – Но там ничего серьёзного, вскользь по руке прошла.

– Чего развалились? – К ним подошёл Мартло, мужчина с изъеденным оспой лицом, густыми усами и глубоко запавшими глазами. Он лишь недавно получил звание командора и группа новичков, в которую входили Кейн, Бэн и Эллад, была у него первой. И хотя он и был официальным начальником их отряда, руководить сильно не рвался. Исключения составляли вот такие совместные с другими группами вылазки, когда волей-неволей, а координировать работу приходится. Но в целом это был спокойный мужик, путь и немного странноватый. – Костоправ, подлатай ублюдков, нам тут трупы не нужны. Малой, проследи, чтобы мимо нас делёжка не прошла – нам принадлежит минимум половина местного добра. А то знаю я этого Яру-крысяру. Брустер, пойдём, глянем, чем они тут промышляли.

Когда они подошли к лодке, там уже стоял командор второй четвёрки, Яр, который с лампой в руке с интересом разглядывал её содержимое.

– Ба, народ, да нам никак подвезло, и мы поймали охотников за звёздным железом.

Кейн наклонился и посмотрел на несколько утрамбованных мешков, доверху набитых кусками тёмной руды. Взяв один в руку, он присвистнул, удивившись его солидному весу.

– Долго же они её собирали, – заметил он. – Чтобы нарыть такое количество метеорита, надо убить немало времени.

– Или нашли богатое месторождение. – Мартло сплюнул и обернулся к связанным звездохотам. – Если это так, то нам могут перепасть нехилые комиссионные.

Яр кашлянул в кулак.

– А можно узнать каналы их сбыта и самим делом заняться. Неплохие деньжата поднимем.

– Или под трибунал загремим. – Кейн бросил кусок руды обратно и выпрямился, отряхивая руки. – Лучше сдать всё Эгиде и получить свою долю. Скупиться они не будут, Мартло дело говорит.

Яр недовольно запыхтел, но спорить не стал.

– Будь по-вашему. Я лишь предложил.

Кейн переглянулся с Мартло, и они пошли обратно к костру. Костоправ, вытирая руки об окровавленную тряпицу, вскоре присоединился к ним, как и Малой Эл, притащивший довольно солидный мешок, доставшийся им после делёжки.

– В общем, народ, наличности у них было не много, но основной навар мы получим в городе, когда сдадим «звёзды», – отчитался Эллад. – Плюс перепаало само по себе дорогое вооружение да припасы. Надо кому чего или на продажу?

– На продажу, – ответил Мартло, помешивая прутиком тлеющие угли. – Нам пока всего хватает.

Кейн не смог удержаться от усмешки. Его забавляла эта интересная ситуация – изъяв оружие у бандитов, они продадут его другим не менее сомнительным личностям, и, с большой вероятностью, при следующей облаве окажутся обстреляны из него же. Торговый круговорот, мать его.

– Как там подранки? Никто не окочурился?

Бэн покачал головой.

– Ничего серьёзного, до города дотянут.

– Хорошо. Тогда как подкатят телеги, грузимся и в дорогу.

– Быстрее бы, – Эл мечтательно закатил глаза, – а то меня уже заждалась такая цыпочка, что прямо м-вуа! – он приложил пальцы ко рту и смачно чмокнул.

– Тут я тебя разочарую. – Мартло поднялся и подтянул ремень. – В Веновале мы не задержимся. Как сдадим звездохотов, принимаем рабочих и ведём в Брэвил. Там и отдохнём.

– Не горюй, Малой. – Костоправ хлопнул мгновенно скисшего паренька по плечу. – Наверняка и в Брэвиле найдётся своя цыпочка, которой придётся по душе твоя конопатая рожа.

Они загоготали. И даже обычно хмурый Мартло не удержался от кривой усмешки.

– Да идите вы!

– Пойдём-пойдём, не переживай. – Кейн встал и привычно почесал заросший подбородок. – Причём все пойдём – вон, телеги подвезли.

5

– Но! Куда прёшь, з-зараза! Н-но!

Кейн так сильно натянул поводья, что удила чуть было не порвали его коню пасть. Жеребец протестующе заржал и едва не подвернул ногу, но всё-таки повернул куда следует. Фыркая и мотая головой, он косился на своего всадника и наверняка подумывал, как бы его сбросить и хорошенько наподдать копытом, но Кейн всякий раз лишь сильнее сжимал ногами конские рёбра и гнал лошадь вперёд.

Эта животина его дико раздражала. Но ещё больше раздражало то, что они едва проехали половину пути, а его задница уже напоминает одну большую мозоль. От бесконечной тряски затекли спина и шея, а холодный ветер то и дело швырял в лицо целые горсти пыли. Он в очередной раз высморкался и протёр слезящиеся глаза, едва не упав при этом с коня. За всё то время, что они провели на Винтаде, Кейн был в седле всего три раза, не считая этого, и всё никак не мог вернуть себе былую сноровку. Вдобавок ко всему эта четвероногая тварь абсолютно не слушалась и так и норовила разmozжить его голову о ближайший камень! Благо вокруг их было с избытком.

Кейн окинул взглядом скалистую пустошь, что раскинулась на многие мили вокруг: сухая потрескавшаяся земля, на которой практически ничего не росло, кроме сорняка и зарослей полыни, от запаха которой забивались ноздри, а её горький привкус, казалось, навеки поселился в их ртах. Изредка им попадались чахлые деревья, медленно умирающие без солнечного света и воды, но чаще они встречали срубленные практически под корень пни – людям нужно было как-то спастись от холода, ведь далеко не все могли себе позволить согревающий магифакт.

Бэн ехал чуть впереди вместе с ещё четырьмя наёмниками, иногда оглядываясь на отстающего Брустера. Поначалу его дико бесило, что они едут так медленно, но потом он успокоился – вся дорога была сплошь усеяна острыми камнями и изрыта норами, угодив в которые лошадь могла запросто сломать себе ногу, а неудачливый всадник свернуть шею. Так что если они не хотят проделать оставшийся путь на своих двоих, придётся и дальше плестись со скоростью черепахи. Он натянул посильнее и так застёгнутый до самого подбородка воротник пиджака и в очередной раз пожалел, что не надел какого-нибудь плаща.

«Если мы вскоре не доберёмся до тёплого и сухого места (желательно туда, где наливают крепкий виски), то я точно простужусь» – в подтверждение своим мыслям он оглушительно чихнул.

Тряхнув головой, Костоправ привстал в стременах и хмуро огляделся – видимо, всему действительно приходит конец. Ему вспомнились последние годы войны – тогда в империи стояла такая же засуха, а от жары умирало больше, чем от меча или пули.

Но потом всё изменилось.

Боги наконец смилостивились, и пошёл дождь. Они были счастливы, они воспряли духом, они, словно безумцы, босыми танцевали под струями ливня, выкрикивая в небеса имена Богов... А дождь всё шёл и шёл. Нескончаемый поток благословенной воды хлынул на земли империи и уже не иссякал.

Никогда.

И отныне в небеса они кричали только проклятья.

Кейн искоса поглядывал на Бэна – тот был погружён в свои мысли, его брови сошлись у переносицы, губы плотно сжаты, глаза невидяще смотрели в одну точку. О чём бы ни думал Костоправ, сейчас его лучше не трогать.

Они работали на Эгиду уже полторы недели, и пока что Кейн не увидел в деятельности гильдии ничего необычного: их действительно распределили в группы и направляли на различные задания: они участвовали в патрулировании и следили за порядком, сопровождали и охраняли – как сейчас – грузы и рабочих, пресекали бандитизм и разбой среди местных, участвовали в облавах на контрабандистов, подобных вчерашней. В общем, наёмники сполна отработывали свой хлеб, и не было ничего, что бы могло заинтересовать Шэмита. И Кейна вполне устраивало то, что дальше мордобоя дело не заходило, в то время как Костоправу явно не хватало кровавых сценариев – в последние дни он был на взводе, и Брустер опасался, что он может сорваться и всё испортить.

– Эй, Брустер! – Бэн дождался, пока проедет телега с рабочими, и поравнялся с ним. – Далеко ещё?

Кейн рассеянно осмотрелся и, запрокинув голову, посмотрел на небо, затянутое чёрным смогом.

– Вроде «засветло» доберёмся.

Костоправ фыркнул.

– Ты ещё как-то ориентируешься, когда наступает и заканчивается день? Как по мне, так всегда властвует ночь.

– Вернее, вечер да сумерки, – усмехнувшись, поправил его Кейн. – Не вижу ничего сложного: небо светлеет – день, совсем темно – ночь.

– За идиота меня держишь, да? Это мне и без тебя известно.

– Кстати, давно хотел спросить. – Кейн вновь посмотрел на тёмные тучи, застилающие небеса. – Тебе что-нибудь известно об этих... облаках?

– Шут его знает. – Бэн тоже поднял взгляд. – Я думаю, это Кара Богов. Вы их прогневали, и Теламар выпустил Тьму, что сдерживал в своей душе.

Кейн не стал ввязываться в теологические споры, лишь раздражённо дёрнул щекой и счёл правильным промолчать. Эта неизвестная тьма беспокоила его. Да что там его – она страшила каждого жителя Колоний. И никто не мог дать ответа на вопрос о её происхождении. Согласно политике Новой Истории, это было обычным сезонным явлением, тогда как люди, жившие в старую эпоху, знали правду – Тьма пришла после окончания войны. Сначала никто не заметил перемен – солнце скрывалось за смогом лишь на непродолжительное время, но позже плотная завеса облаков не рассеивалась уже по несколько дней. В тавернах шёпотом поговаривали, что даже самые сильные природные маги не могут развеять эту неизвестную тьму. Кейн был склонен предполагать, что всё это являлось последствием разрушительных заклинаний, применявшихся во время войны. И в этом нет ничего удивительного, если вспомнить, какая судьба постигла весь Старый Мир.

Поэтому им ничего не остаётся, кроме как тосковать по яркому тёплому солнцу и надеяться на то, что тьма скоро отступит.

– Почему яма? – вдруг спросил Бэн.

– М? Ты о чём?

– Ну Винтада, почему её называют Ямой? – пояснил Костоправ. – Не свалка, не пустошь, а именно яма? Я, конечно, понимаю, что колонисты в большинстве своём еретики и отбросы, но называть свой дом ямой, – он покачал головой, – это уже за гранью моего понимания.

Кейн, как всегда, проигнорировал выпады в сторону колонистов и ответил вопросом на вопрос:

– Ты прожил в Колониях столько времени и до сих пор не удосужился узнать, почему Винтаду называют Ямой?

– Ну да. – Бэн невозмутимо пожал плечами. – Я делал вид, что мне известны такие элементарные вещи. К тому же не особенно дружил с вашим братом, чтобы заводить светские беседы.

Кейн хмыкнул и задумчиво помассировал переносицу, чтобы снять напряжение со внезапно разболевшейся головы.

– Когда прибудем на место, я отвечу на твой вопрос.

Бэн не стал возражать, и остаток пути они проделали молча.

Через несколько часов какие-либо признаки растительности исчезли вовсе, а скалистые насыпи стали ближе и теперь возвышались подобно горам, над которыми клубились плотные столбы дыма. Воздух вокруг стал сухим и горячим, а кроме полыни теперь воняло ещё и гарью, от которой слезились глаза и то и дело скручивало приступом кашля. Ожидавший подобного Кейн вытащил из седельной сумки платок, смочил его водой из фляги и повязал на лицо. Рабочие на телеге и остальные наёмники поспешили последовать его примеру.

Неровная линия насыпи, состоящая сплошь из кусков скал, гор, земли и разнообразной породы, тянулась, покуда хватало глаз. Уже отсюда можно было разглядеть раскинувшийся у её подножия шахтёрский город – Брэвил – к которому они и направились. Показав документы встретившему их патрулю, они беспрепятственно проехали на его территорию.

Смотря на изнурённые лица попадающихся им по дороге рабочих, шайки чумазных детей, уставших женщин, Кейн мрачно размышлял о том, во что превратилась когда-то великая страна. Ведь не так давно у них было всё: земля, история, традиции, свобода. А что теперь? Земля не плодоносит, история позабыта, традиции мертвы, свободу заковали в цепи. Теперь винтадцы вынуждены продавать дома и перебираться целыми семьями ближе к промышленности, чтобы хоть как-то зарабатывать на жизнь. Кейн посмотрел на

вершины горных насыпей – Бэн интересовался, почему Винтаду называют Ямой. Что ж, он ему покажет, почему.

– Ты что-то сказал? – спросил Бэн.

Брустер хмуро посмотрел на него – видимо, он размышлял вслух.

– Говорю, сейчас узнаешь, почему Яма – это Яма, – ответил Кейн и окликнул главу отряда: – Эй, Мартло! – Командор обернулся. – Мы с Костоправом отойдём, отметься за нас.

Мартло кивнул и повёл наёмников вглубь лагеря, тогда как Кейн и Бэн поехали дальше по дороге, ведущей на вершину. Конь Брустера неустанно тряс головой и фыркал, всячески проявляя своё недовольство. Кейн его прекрасно понимал – у него самого болела голова и темнело перед глазами. Видимо, требуется время, чтобы привыкнуть к местным условиям, но, к счастью, они здесь задерживаться не планировали.

– Твою ж мать!.. – вырвалось у Уилторса, когда они наконец взобрались на вершину.

Кейн, до этого пытающийся сфокусировать взгляд на ушах коня и побороть головокружение, посмотрел на него, а потом проследил за направлением его глаз и усмехнулся.

– Вот и ответ, – с горечью проговорил он.

Им открылся вид на гигантскую воронку, краёв которой было невозможно разглядеть, сколько не старайся – Кейн знал, что её диаметр исчислялся сотнями миль. Создавалось впечатление, будто они стоят на вершине огромной стены и взирают на всё с высоты птичьего полёта. Отсюда было хорошо видно, что в одних местах развороченное, словно от бомбёжки, дно покрыто пеплом и золой, в других же непроходимыми скалами, а на сравнительно чистых участках были построены бесчисленные заводы по переработке ресурсов, непрерывно коптящие небеса едким чёрным дымом, чтобы как можно быстрее выплюнуть свою долю продукта, которую потом погрузят на корабли и отправят в Акмею.

– Это случилось во время войны, – начал рассказывать Кейн, борясь с тошнотой и слабостью, с трудом вытягивая из тенёт памяти нужные воспоминания. – Винтада была хранителем и гарантом Колониального пакта о независимости Колоний, поэтому когда Города Изгиба оккупировали полисы Соммо и Харрег, мы вмешались и в ходе военной кампании освободили их. Изгиб с этим не смирился и вместе с вашей Церковью мобилизовал «верующих юга». В ответ Винтада призвала на помощь «всех свободных, переплывших море» и пошло поехало, – Кейн печально усмехнулся. – Империи совсем не понравилось, что «наглые колонисты» заняли несколько полисов Изгиба, и она отправила туда пару своих легионов, которые с нашей помощью канули в бездну. – Он повернул голову и посмотрел Бэну в глаза. – А потом имперские маги притянули метеорит и направили его... да вот прямо сюда. Тут были города, деревни, столица.

Кейн отвёл взгляд и вновь стал рассматривать жерло воронки.

– Миллионы погибли, тысячи лишились крова, и абсолютно все винтадцы потеряли родную страну. С тех пор Винтада – сырьевой придаток по добыче небесного металла, полезных ископаемых и заряда арканита.

Костоправ не сдержался и, злорадно усмехнувшись, воскликнул:

– Щас расплачусь! Винтадцы, видите ли, потеряли свою страну! Это же такая катастрофа по сравнению с гибелью всего Старого Света. – Бэн сплюнул. – Жаль, что метеорит был только один.

Несколько раз глубоко вздохнув, Кейн заставил себя отпустить рукоять шпаги, которую судорожно стиснул. Сейчас не время и не место, чтобы строить из себя обиженного колониста. Развернув коня, он бросил через плечо:

– В любом случае теперь ты знаешь, почему Винтаду называют Ямой.

Бэн ещё некоторое время постоял на краю воронки, а потом вслед за Кейном спустился в шахтёрский лагерь.

– Какого чёрта происходит, Мартло?

Кейн спешился и подошёл к наёмнику, наблюдающему, как чуть более десятка человек скидывают в телегу свои пожитки и лезут следом за ними.

– Они хотят, чтобы мы отправились прямо сейчас. – Мартло сплюнул.

– Вконец рехнулись что ли? – пробормотал Брустер и направился к телеге. – Эй, кто тут главный?

– Я. – От группы отделился человек в форме Эгиды. К своему неудовольствию Кейн увидел на его плечах и груди нашивки сержанта. – Слушаю?

– Рядовой Кейн Брустер, – представился он. – Я хотел спросить – вы серьёзно намереваетесь отправиться сейчас?

– А в чём проблема, рядовой? – сержант Дэран Клавис смерил его хмурым взглядом.

– Проблема в темноте, сэр. Близится ночь – плохое время для прогулки. К тому же, – он махнул рукой на свой отряд, – мы только что с дороги. Неужели нельзя подождать до утра? Так было бы безопаснее.

– Понятно. – Сержант шагнул к нему вплотную. – А теперь слушай меня, рядовой. Мы выдвигаемся сейчас, потому что этих рабочих нам надо доставить на место именно сегодня. И это – приказ старшего по званию. Или вас не учили подчиняться приказам, а, солдат?

Кейну с трудом удалось сохранить невозмутимый вид, тогда как внутри он заклокотал от гнева.

– Учили. – Он сделал паузу. – Мэссэр.

– Тогда запрягайте лошадей, и в дорогу.

Развернувшись, Клавис вернулся к рабочим и в очередной раз перепроверил, все ли на месте.

- Ну как? - с надеждой спросил подошедшего Брустера Эллад.

- Никак. - Кейн подтянул подпругу у своего коня. - Придётся ещё несколько часов потрястись в седле.

- Вот бездна, - застонал парень. - Я себе уже всю задницу сбил! Вот вернёмся - буду требовать премию.

Бэн и Мартло лишь молча проверили свои сёдла.

- Извините, можно к вам обратиться?

Кейн, уже собиравшийся запрыгнуть в седло, остановился и посмотрел на подошедшего к нему улыбающегося мужчину, одетого в рабочие одежды и с мешком за плечами.

- Да?

- Меня зовут Гарн, - представился мужчина. - Я хотел спросить, не сможете ли вы взять меня с собой?

- С собой? - Кейн нахмурился, рассматривая его: невысокого роста, смуглый, на левой стороне шеи виднелось тёмное родимое пятно. Ничего примечательного. - Вы же даже не знаете, куда мы направляемся.

- Вы правы. Но это не имеет никакого значения. Мне просто нужно сегодня же покинуть лагерь, а отправляться одному сушее самоубийство.

- Тут я с вами согласен.

- Значит, вы не будете против? - спросил Гарн и тут же добавил: - Я заплачу.

Кейн тяжело вздохнул и посмотрел через его плечо на возившегося с лошадью сержанта Клависа.

«Собственно, а почему бы и нет? – злобно подумал он. – Коли уж нам отказали в отдыхе, то мы имеем полное право подзаработать».

– Сумку покажи. – Гарн с готовностью показал ему содержимое котомки: еда, одежда, табула, нож и всякая житейская мелочь. – Давай нож, он пока побудет у меня. А теперь живо полезай в повозку. Рассчитаемся на месте. И ещё – не попадайся на глаза сержанту.

Гарну не надо было повторять дважды – он быстро запрыгнул в телегу и затерялся среди рабочих.

– Ну что ж, ребята, – Кейн обернулся к своим, – по коням.

Через полчаса они покинули Брэвил и в практически полной темноте, едва разгоняемой масляными лампами, отправились по дороге на юг. Ехали в полном молчании, напряжённо всматриваясь в каждую тень и вслушиваясь в любой подозрительный звук.

Так продолжалось чуть более двух часов, и за это время ничего не произошло, поэтому они позволили себе немного расслабиться, и их внимание притупилось. Но, несмотря на это, Брустер всё же смог услышать тихое бормотание Мартло, от которого он тут же напрягся:

– Съехали.

– Ты о чём?

– Мы съехали с главной дороги, – тихо ответил командор и сплюнул. – На запад взяли. Сейчас по равнине поедем.

– Откуда ты знаешь? – Кейн был удивлён – лично он ни за что бы не отличил южную дорогу от равнинной, особенно в такую темень.

С ними поравнялся Бэн, прислушиваясь к разговору.

– Я слышу плеск воды, и ветер приносит запах соли. Мы приближаемся к берегу.

Брустер недоверчиво покосился на него и внимательно прислушался – ничего. Хотя за те две недели, что они работают вместе, он не раз и не два дивился остроте внимания наёмника. И пока что Мартло не ошибался.

Кейн перехватил вопросительный взгляд Бэна и кивнул – всё верно. Если Мартло прав, то здесь явно творится что-то неладное, и им нужно быть начеку.

Сначала более-менее ровную дорогу усеяли кочки и ухабы, а потом и вовсе она сменилась пересечённой местностью. Немного погодя Кейну показалось, что он чувствует запах моря. Последние сомнения отпали, когда где-то через полчаса они услышали шум разбивающихся о берег волн. С этого момента Брустер уже не снимал ладонь с рукояти пистоля, заткнутого за пояс.

Вскоре их отряд выехал прямо к морю и остановился.

Клавис, возглавлявший колонну, спешился.

– Вылезайте и стройтесь на берегу! – приказал сержант рабочим и те, быстро похватав свои котомки, выбрались из повозки.

Кейн бросил взгляд на свою команду:

– Спешиваемся, ребята. – Он спрыгнул с лошади. – Кажется, это надолго.

Стреножив коня, Кейн вместе с остальными спустился к воде. Повернув голову, он некоторое время всматривался в фигуру сержанта, сидящего на корточках и ополаскивающего руки. Может, стоит потребовать от него объяснений? Хотя вряд ли они их получат. Вся эта ситуация буквально кричит об одном – молчите и не вмешивайтесь.

Его размышления прервал подошедший Костоправ. Он встал справа и тихо проговорил:

– Мартло говорит, к нам приближается корабль.

Кейн кивнул.

«Не нравится мне всё это, – подумал Брустер, поправив пистоль и осматривая тёмное побережье. – Следовало перед отбытием навести справки об этом сержанте. А то что-то больно он...»

Мысль пропала. Сознание отключилось. Руки безвольно опустились вдоль тела. Голова, словно налитая свинцом, упала на грудь. Не было ни чувств, ни желаний, ни снов – не было ничего, словно бы он нырнул в абсолютную пустоту. Возможно, именно так выглядит смерть? Кто-то просто выключает свет, и ты исчезаешь, проваливаясь в бездну, где продолжаешь осознавать себя, но утрачиваешь всякое понятие о том, что это значит – жить. И отныне ты просто существуешь и тебе всё равно, что было, есть и будет. Полное отсутствие всяческих стремлений. Поток энергии с крохотной частичкой сознания, обречённая на вечные скитания.

Понимание всего этого вселяло ужас.

И именно ледяные когти страха помогли ему вернуться. Чувства медленно пробуждались, и первое, что он услышал, был шум прибоя – и каким же прекрасным был этот звук! А запах? Непередаваемый запах моря наполнил его лёгкие, и теперь он желал только одного – открыть глаза и увидеть яркое слепящее солнце, лучи которого играют на водной глади бескрайних морских просторов.

Но когда он открыл глаза, то увидел лишь погружённую во тьму береговую линию, которая практически сливалась с чёрной водной гладью, временами наползающую на сушу. Этот мир, который предстал перед ним, мало отличался от той пустоты, в которой он только что побывал. Здесь тоже живут без единого луча света и не знают, что значит жить.

«Прекрати! – велел он себе и зажмурился. – Сейчас что-то произошло, что-то, от чего ты отключился. Но сейчас ты пришёл в себя, ты всё так же стоишь, хоть тело и не слушается. Но это даже хорошо – нельзя себя выдать. Поэтому – не шевелись! Сосредоточься!.. Так... А теперь открой глаза и скажи, что видишь?»

И он посмотрел и он увидел.

Недалеко от берега стояла громада массивного корабля, почти не освещённого фонарями, сливающегося с окружающей тьмой. Если присмотреться, то можно

заметить какие-то фигуры на палубе, но намного интереснее было то, что происходило на суше.

Как только Кейн увидел их, то его первой мыслью было: «Работоторговцы!». Но, присмотревшись к спящим по берегу людям, он в этом усомнился.

Они были облачены в странные чёрные доспехи, а их лица были скрыты шлемами с зеркальной маской. Он наблюдал за тем, как они одного за другим уводят рабочих, сейчас больше напоминающих безвольных кукол, на свой корабль. Всё проходило в полнейшем молчании – ни переговоров, ни жестов. Словно каждый из них точно знал свою задачу.

Выходит, эти «зеркальные» ребята «ударил» чем-то им по мозгам, заставив потерять сознание? А после, не встречая сопротивления, начали погрузку «груза» – привезённых ими людей. Значит, как только они с этим покончат, то уже возьмутся за них – либо, как рабочих, уведут на корабль, либо убьют как свидетелей. Брустер не отвечал за остальных, но лично он спокойно дожидаться окончания погрузки желания не испытывал, предпочитая лучше погибнуть в бою, продав свою жизнь подороже, чем умереть, как свинья на заклании.

Кейн почувствовал, что может шевелить рукой. Очень осторожно он стал напрягать и расслаблять мышцы тела, и с каждым мгновением способность двигаться возвращалась к нему. Но что он один мог противопоставить им? Кейн насчитал на берегу как минимум четверых, двое из которых занимались погруженными в транс рабочими, и это только те, кто был в пределах его видимости. Просчитывая варианты Брустер покосился на Костоправа и перехватил его взгляд – осмысленный и незамутнённый. Значит, не ему одному удалось быстро оклематься от этого «мозгового штурма». Кейн показал глазами на ближайшего зеркального солдата и Бэн едва заметно кивнул.

Отлично, можно действовать.

Задержав дыхание и сосредоточившись на своей руке, Кейн резко выхватил пистоль и выстрелил, целясь в зеркальную маску. Он ожидал услышать звон стекла и увидеть падающее тело с простреленной головой, но этого не произошло. Пуля словно бы ударилась о невидимую стену, и в том месте, куда она попала, на долю секунды вспыхнул синий отсвет, напоминающий паутину.

«Защитный барьер», – мелькнуло в голове Кейна, и он тут же кувыркнулся в сторону. И вовремя – в то место, где он находился мгновение назад, угодила мушкетная пуля молниеносно среагировавшего зеркального.

Бэн тоже не стал медлить. Рывком сдёрнув с плеча мушкетон он подпрыгнул вплотную к стрелявшему, ткнул дуло ему в живот и спустил курок. Отдача от выстрела ударила в руку, грохот заложил уши, едкий пороховой дым заставил зажмуриться. Зеркального, словно куклу, отбросило на несколько футов, где он и остался лежать с кровавым месивом вместо живота. Понимая, что на перезарядку нет времени, Костоправ отбросил теперь уже бесполезное оружие и бросился в укрытие, на ходу выхватывая топор. Ему вслед понеслись выстрелы, но, к счастью, ни один не нашёл своей цели, хотя одна из пуль просвистела прямо у него над головой.

И если Бэну удалось добежать до телеги, то Кейну не повезло – рядом с ним не было ничего, что можно было бы использовать как укрытие. Поэтому ему ничего не оставалось, кроме как выхватить шпагу и кинуться на второго зеркального, надеясь, что остальные не будут стрелять из опасений попасть в своего. Его противник выставил вперёд ружьё, но Брустеру удалось извернуться и отбить дуло в сторону – правую щёку и ухо обожгло огнём, словно к ним приложили раскалённый прут. Взревев, он нанёс несколько ударов, которые его соперник блокировал мушкетом.

Бэн выглянул из своего укрытия как раз вовремя, чтобы успеть увидеть присевшего на одно колено стрелка, направившего ружьё в сторону сражающихся. Действовать нужно было быстро, поэтому он подскочил к запряжённым в повозку лошадям и с силой хлестанул одну из них, закричав:

– Н-но! Пшла!!!

Пригнувшись, Костоправ побежал вслед за телегой, направив её на целящегося в Брустера зеркального через оставшихся стоять в трансе рабочих. Заметив врезавшуюся в толпу повозку, под колёсами и копытами которой погибали ничего не успевшие понять люди, мушкетёр резко развернулся и выстрелил. Одна из лошадей заржала от боли и завалилась набок, увлекая за собой вторую. Повозка на полном ходу перевернулась, едва не придавив успевшего отпрыгнуть в сторону стрелка. Перепрыгивая через тела, Костоправ тут же бросился к нему и с силой опустил топор – лезвие разрубило надвое мушкет, которым тот попытался защититься. Не успевая замахнуться во второй раз, Бэн резко

вытянул руку, схватил оступившегося противника за плечо и, притянув к себе, ударил головой в его зеркальную маску. В глазах тут же потемнело, но он, не обращая на это внимания, ухватил топориче двумя руками и взмахнул практически наугад. И, судя по раздавшемуся хрусту, попал куда надо. Провести новую атаку ему помешали раздавшиеся с корабля выстрелы. Пригнувшись, Бэн метнулся к перевёрнутой телеге, о дерево которой тут же застучали пули. Найдя взглядом Брустера, он закричал...

Как бы Кейн ни старался, его противник продолжал умело блокировать все удары. Хотя несколько раз ему всё же удалось оставить росчерк на чёрном доспехе. Но чем дольше длился бой, тем меньше шансов на победу у него оставалось – Кейн чувствовал, что приближается к своему пределу: прокуренные лёгкие горели, и воздух с хрипом вырывался из груди, появилась одышка, в то время как зеркальный не выказывал ни малейших признаков усталости.

«Если я сейчас ничего не предприму, то мне конец». – И словно в подтверждение его мыслям, зеркальный резко отбил в сторону лезвие шпаги и ударил Кейна в лицо прикладом. Брустера повело в сторону и он инстинктивно схватился свободной рукой за ружьё соперника, чтобы остановить падение. В этот момент позади него раздалось конское ржание и какой-то грохот.

«Сейчас!» – вспыхнуло в его голове. Не выпуская из рук мушкет, Кейн с усилием подтянулся и насадил противника на шпагу.

И тут загремели выстрелы.

Вжав голову в плечи, Кейн, используя шпагу и ружьё как рычаг, развернул нанизанного на острие противника в сторону корабля и использовал его как живой щит. Несколько первых пуль поглотил барьер зеркального, но, видимо, его заряд быстро иссяк и все последующие выстрелы приняла спина солдата.

И тут до Кейна донёлся крик Костоправа:

– Брустер, сюда!

Повернув голову, он увидел перевёрнутую телегу и лежащего за ней Бэна. Отпустив шпагу, Кейн бросился к повозке и, когда до неё оставались последние феты, прыгнул и упал навзничь. Прозвучало ещё несколько выстрелов, после

чего наступила тишина.

– Почему они остановились? – Из рассечённого лба Костоправа текла кровь, но он не обращал на это внимания, постоянно вытирая лицо тыльной стороной ладони и продолжая судорожно сжимать топориче с окровавленным лезвием. – Может, уплывают?

– Не думаю. – Кейн напряжённо прислушивался. – Нас всего двое, а их целый корабль. Скорее всего, они сейчас будут высаживаться, чтобы...

Договорить он не успел.

Грохот пушечного выстрела и последовавший вслед за ним треск взорванной телеги было последним, что они запомнили, прежде чем потерять сознание.

7

– Костоправ... Костоправ, ты живой?

Кейн склонился над полузасыпанным землёй и обломками Уилторсом – тот в ответ застонал и сдавленно ответил:

– Кажись... да...

– Ничего не сломал?

Бэн прислушивался к себе и неуверенно пошевелился.

– Да вроде нет.

– Значит, повезло. – Кейн вздохнул с облегчением и тяжело привалился к тому, что раньше было телегой.

Костоправ с трудом приподнялся на локте.

– А где эти?

– Уплыли. – Брустер окинул рассеянным взглядом побережье. – Пальнули по нам из пушки, забрали тела своих и уплыли.

Бэн недоуменно вытаращился на него.

– А как же мы? Почему они не тронули нас?

На этот вопрос у Кейна не было ответа, и он лишь молча продолжил рассматривать место недавней битвы: остатки взорванной повозки, кровавые ошмётки лошадей, раздавленные рабочие, тела сопровождавших их наёмников и горящие лужицы разбитых масляных ламп. Зеркальные забрали не только трупы своих людей, но и тех рабочих, которым повезло отделаться лёгкими ранами. Но какой в этом смысл? Почему они не забрали или не убили и их тоже? Какие-то странные работорговцы.

«Если, конечно, они были работорговцами, – мрачно подумал Кейн. – Но если так, то тогда кто же они, мать его, такие?»

Ещё его не переставал мучить вопрос – если бы они с Костоправом не вмешались, то зеркальные просто забрали бы рабочих и уплыли? Этой бойни можно было избежать?

«Нет. – Кейн потряс головой и растёр лицо руками. – Мы всё сделали правильно. Клавис был замешан в тёмных делишках, торговал людьми, и мы должны были попытаться его остановить».

Бэн поднялся на ноги, покачнулся, но смог сохранить равновесие. Некоторое время он внимательно осматривал окрестности, тонущие в темноте, пока его взгляд не остановился на разрубленном надвое мушкете зеркального, с которым он сражался – тот валялся рядом с обломками горячей телеги и частью разорванной ядром лошадиной туши. Бэн уже хотел было отвести взгляд, но тут заметил тусклый блеск чего-то ещё. Присмотревшись внимательнее, он заметил игравший в глубине зеркала отсвет огня, медленно пожирающего повозку. Прихрамывая, Костоправ подошёл поближе и присел на корточки. Смахнув ладонью кашицу из крови и земли, он увидел треснувшее стекло и закричал:

– Эй, Брустер, помоги-ка мне!

Кейн с неохотой встал и направился к нему. Но мигом оживился, увидев, что именно нашёл Костоправ. Вдвоём они оттащили в сторону мёртвую лошадь и быстро разобрали обломки, под которыми оказалось погребено тело одного из зеркальных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/nukland_alan/epoha-poltiny-deksta-kvinta

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)